

Владимир Логинов

Пилигримы вселенной

Владимир Логинов

Пилигримы вселенной

«Автор»

2026

Логинов В. И.

Пилигримы вселенной / В. И. Логинов — «Автор», 2026

В данном сочинении люди ведут себя согласно своему миропониманию по-разному. Они не мучаются вопросом, откуда и как появилось человечество на планете, ссылаясь на волю и могущество богов, на Создателя мира. Некоторые люди в этих мирах совершают неблагоприятные поступки, забыв о заповедях Спасителя, то-есть не вспоминают в критический момент своей жизни про общечеловеческие, базовые ценности: веру, любовь. Мол, такова судьба. Большую симпатию в моём сочинении вызывает чета Паков. Они главные герои книги, и они не раскачивают констант, а, наоборот, изучают их. Они являются примером общечеловеческого жизненного пути.

© Логинов В. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. А, МОЖЕТ, МЕНЬШЕ ЗНАЕШЬ, ЛУЧШЕ СПИШЬ?	6
Глава 2. БЫТ НАС ЗАЕЛ	16
Глава 3. ЭТА ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ	23
Глава 4. ЖЕНЩИНА СТРОИТ ДОМ	32
Глава 5. ОН И ТУТ НАС ОБОШЁЛ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Логинов

Пилигримы вселенной

Часть первая: МЫ ВЕРНЁМСЯ, СЫН

То, что мы знаем, ограничено,
А то, что не знаем, безгранично.
Лаплас

Глава 1. А, МОЖЕТ, МЕНЬШЕ ЗНАЕШЬ, ЛУЧШЕ СПИШЬ?

Артём Петрович Дедов в быту человек несколько рассеянный, беспечный, но, когда принимался за решение сложных задач, особенно в своём деле, становился сосредоточенным, вдохновлённым. Откуда в нём появлялась энергия в это время, он не задумывался, но работал исступлённо, словно в нём сидел, где-то глубоко, в селезёнке, миниатюрный ядерный реактор и включался, когда надо.

Рост у Дедова небольшой, так, средний, к тому же тощая фигура и тонкие черты лица делали его больше похожим на мальчишку, школьника старших классов, а ведь лет-то ему было уже немало. Вот о взрослом, больше о мужчине, часто говорят, – человек среднего возраста. Такое определение делают многие, даже специалисты: медики, оперативники из полиции, какие-нибудь свидетели при опросах. Бывает, что человеку сорок лет, а выглядит он на все шестьдесят с лишним, кто знает, может, его жизнь изрядно потрепала. Встречаются и такие, что и в восемьдесят лет выглядит гораздо моложе, так, лет на пятьдесят. Вот Артёму Дедову и было пятьдесят лет, но он обладал спортивной фигурой, быстро ходил, имел привычку чисто бриться, короткая, ёжиком, причёска на голове тоже не прибавляла годов, а потому больше тридцати пяти лет ему никто и не давал. Одевался он настолько просто, что в толпе прохожих углядеть его было едва ли возможно, ничем не выделялся, так выглядели многие: бейсболка, курточка с водолазкой, потёртые джинсы, на ногах кроссовки.

Числился Дедов в каком-то НИИ Санкт-Петербурга, а сюда, в уральский город, приехал неделю назад, по какому-то заданию. Проектный институт, куда Дедов ходил на работу, раньше принадлежал машиностроительному заводу, который, в основном, работал на оборонку. С приходом рынка институт отделился от заводских структур и занимался разными гражданскими проектами, вплоть до проектирования коттеджей для некоторых разбогатевших граждан. Всё же один из отделов в институте продолжал обслуживать оборонное ведомство, и вход туда был только по спецпропускам. В этот отдел и был прикомандирован специалист из Санкт-Петербурга Артём Петрович Дедов. Чем он занимался, какая у него профессия, никто в институте не знал, да и не интересовался. Недалеко от города, в тайге, была какая-то военная часть, с которой институт, видимо, был как-то связан, потому как в него часто заходили люди в военной форме.

По приезду в город, Дедов местную гостиницу проигнорировал, поселился в большом частном доме у знакомых, где ему отвели комнату на первом этаже возле кухни, что его очень даже устраивало, особенно по вечерам. Хозяева спали на втором этаже, а на первом Дедов оставался один, хозяйничал на кухне как ему хотелось, грел себе чай, или заваривал кофе, часто что-то набирал на ноутбуке до полуночи, занимался какими-то расчётами, иногда разговаривал сам с собой, или с хозяйской собакой, которая тоже не спала, рассуждал о чём-то вслух. Получалось, что он никому не мешал и ему не досаждали с услугами. Хозяева, муж с женой, утром, не беспокоя постояльца, уходили на работу, а уж после них отправлялся по своим делам и Дедов. В большом доме оставалась только одна собака, овчарка по кличке Сакс. В этот свой приезд Дедов, кроме собаки, увидел ещё и перелетающего с места на место, воронёнка. Зачем хозяева завели такую странную птицу, Дедов спрашивать не стал. Очевидно, им нравится эта летающая головёшка, которая, к тому же ещё и очень хорошо выговаривает разные слова и даже короткие фразы.

Вообще-то Артём Дедов бывал в этом городе уже трижды, но все три раза пребывание здесь ограничивалось пятью-шестью днями. В этот же раз он приехал сюда надолго. На временное жильё в своём доме командированного Дедова, ещё в первый его приезд в город, при-

гласил хозяин, Иван Петрович Пак. Артём встретился с Паком в институте, где Иван Петрович брал заказанную им проектную документацию по своим эскизам на строительство какого-то там частного гражданского объекта. Разговорились, быстро нашлись общие интересы – вот строитель Пак и пригласил питерского гостя к себе в дом, где познакомил с женой и сыном, студентом биологического факультета Уральского университета.

Ещё в первый свой приезд Артёма Дедова удивила очаровательная хозяйка. В свои сорок с чем-то лет она выглядела молоденькой студенткой. Высокая красавица завораживала гостя своим пронизательным взглядом огромных глаз. Красота хозяйки, как отметил про себя Дедов, была какой-то особой, не такой как у обычных российских красавиц, мимо которых можно и привычно пройти, не обратив особого внимания. Дедову показалось, и он утвердился в этом ощущении, что, пожалуй, красоту женщины к русской не отнесёшь. Артём, когда впервые увидел хозяйку дома, принял её за подружку сына Ивана Петровича. Вообще-то, так бывает, думал Дедов, когда девушка с юных лет следит за собой, занимается спортом и ведёт здоровый образ жизни. Имя у хозяйки тоже было необычным, каким-то прибалтийским – Тутта, сын, Давид, высокий красивый юноша лицом был в мать, а фигурой, конечно, в родителей. Кстати, и сам Иван Петрович, высокий, стройный, подтянутый, смотрелся тридцатилетним парнем.

В этот, уже четвёртый свой приезд, Артём застал в доме только Ивана Петровича с Туттой. По словам хозяйки, сын, Давид, сдавал государственные экзамены в своём учебном заведении, но со дня на день должен был прибыть домой. Дедов приехал в город ближе к вечеру, пока с вокзала на маршрутке добирался к месту своего временного жительства всё сомневался – застанет ли хозяев в доме. Повезло – Паки оказались дома. Иван Петрович готовил на кухне лёгкий ужин, а Тутта собирала вещи на втором этаже для завтрашнего похода в горы, в тайгу.

Иван Петрович гостю обрадовался, и даже собака, пёс Сакс, вертевшийся на кухне, при виде появившегося Дедова приветливо завилял хвостом, на морде у овчарки появилось нечто вроде улыбки. Воронёнок, сидя на подоконнике, сказал: «Здорово живёшь!». Пока Артём умывался хозяин быстро собрал на столе небольшой перекус в виде салатика из свежих огурцов, бутербродов с сыром и зелёного чая. Перекусив, хозяин с гостем принялись «гонять чай». Дедов выложил Паку последние новости из Санкт-Петербурга, и, недолго помолчав, всё же решил задать хозяину неудобный, но вполне мужской вопрос:

— Слушай, Петрович, между нами говоря, ты не опасаясь за свою жену? Вдруг, какой-нибудь смазливый хлюст положит глаз на твою красавицу, да и оболтает её. Такие ведь случаи не редкость. Иной раз диву даёшься: от красавца мужа жена почему-то липнет к невзрачному на вид мужику.

Иван Петрович слегка улыбнулся, поставил чашку с чаем на стол и как-то беспечно ответил:

— Это исключено, Артём.

— Не будь таким самоуверенным, Петрович.

— Это невозможно, брат.

— Да почему, чёрт возьми?

— Да потому что в ней частица моей крови.

— Тыфу ты! Да мало ли в мире переливают кровь людям? Это происходит ежеминутно в масштабах всей планеты, лишь бы группа крови подходила. Кстати, сложнее определить резус. Нашел, чем удивить. Когда ей перелили твою кровь?

— Двадцать восемь лет назад, – был ответ.

— Э-э-э, друг мой, – усмехнулся гость. – Этой, твоей крови, в ней давно уж нет. Я тебе как специалист говорю.

— А как же генная память?

— Нет там никакой памяти, она уже стёрлась.

Иван Петрович детскую улыбку с лица убрал, и, понизив голос, сообщил:

— В ней сидит микронаноробот с программой, настроенной только на меня.

Гость был настолько ошарашен, что ухватился руками за столешницу, чтобы ненароком не свалиться со стула. Наконец, глотнув чая, и, справившись с замешательством, заговорил хрипловатым голосом:

— Про кремлёвскую таблетку знаю, но это так, чепуха и мелочь, но микронанороботы пока ещё только в теоретических разработках. Такого сложного изделия просто ещё не существует... Да и как он в ней оказался? И когда?

— Хм, он был введён ей через вену в кровь, – сухо ответил Пак. – Вот как раз с моей кровью.

— Так, так! – Дедов побарабанил пальцами по столу. – Ну, хорошо. Если это не твои фантазии, Петрович, когда же этот микроробот был введён твоей хозяйке?

Он даже не заметил, что в волнении повторился.

— Да говорю же, тогда, когда вводили мою кровь.

— Странно, кто это маленькое чудо сотворил, что за специалист?

— Да ничего странного, – усмехнулся хозяин. – Специалистом был мой дядька, генерал Пак. Он и подсадил наноробота Тутте, когда она была без сознания. Давно это было...

— Ну, вот теперь всё понятно! – как-то облегчённо подвёл итог Дедов. – В военных ведомствах много чего новенького. Об изобретениях и технических новшествах военные не сообщают даже нашей научной братии, а уж в специализированные журналы, тем более. Военная тайна, я понимаю. Всё, вопросов больше не имею, меньше знаешь – лучше спишь, так говорят в народе. Ты уж, Петрович, меня извини за глупости. Зря я этот разговор затеял.

Иван Петрович дружески погладил плечо гостя.

— Да ладно тебе, Артём. Меня ведь любопытные мужики уже не раз пытали, мол, как это с такой красавицей жить-то, всё время опасаться, как бы не изменила. Я и отвечал, что она только меня любит, а они мне – все так говорят. А потом ведь, Артём, она как-то сразу отшивает этих мужиков, глянет на такого женского соблазнителя и он, как будто, обжёгся об горячую печку.

— Мне же было около сорока лет, когда я встретил Тутту, – помолчав, добавил хозяин, опять принимаясь за свой чай.

— Что-о!? – Гость опять широко распахнул глаза и захлопал веками. – Значит тебе сейчас...

— Шестьдесят восемь лет! – лаконично ответил хозяин, улыбаясь.

Гость откинулся назад, как-то по иному посмотрел на хозяина, даже головой тряхнул, а, вдруг, ослышался.

— Ну, братцы, вы даёте! – воскликнул удивлённый Дедов. – Встретив вас на улице я бы отметил про себя – вот какая молодая красивая пара.

— За здоровьем следим, брат, по горам ходим в выходные. Хозяйка моя врач, в местной поликлинике работает.

— Да, я знаю. Она вроде как врач общей практики.

— Она психотерапевт.

— Вот как!? – насторожился Дедов. – Это интересно. В институте я изучаю нервы, мозг человека, имею первичную специальность нейрохирурга, но последние годы занимаюсь психоанализом, проблемой памяти. Ты вот никогда не спрашивал меня кто я, зачем сюда езжу.

— А чего спрашивать? – ухмыльнулся хозяин. – Здесь, в нашем городе, не принято спрашивать. Если захочет, если можно, человек сам расскажет.

— Я работаю в институте мозга имени Натальи Бехтеревой, мой друг. – размеренно заговорил Дедов. – Говорят, я был лучшим учеником у Бехтеревой, но я так не считаю, потому что, как и Наталья Петровна, я до сих пор понять не могу как человеческий мозг принимает и обрабатывает такое обилие поступающей информации в одну миллисекунду, как он эту информа-

цию удерживает. Кое-что, конечно, стирается со временем, но большая часть закрепляется и сидит где-то. А где? Кучу экспериментов проделали у себя, в институте, но сдвигов пока нет, хотя много что узнали сопутствующего. Ну, а здесь, в вашем городе, Иван Петрович, я работаю с офицерами воинской части. Ты уже знаешь.

Хозяйка, спустившись в кухню и подойдя к столу, весело, певучим голосом произнесла:

— Кости мои перемываєте, ребятки?

— Да так, о жизни болтаем, – смутился Дедов, осторожно взглянув на Тутту. – Рассказываю вот Петровичу, что в нашем институте двести шестьдесят сотрудников, не считая лаборантов, казалось бы, всё о человеческом мозге знаем, а в итоге получается, что не знаем главного – откуда сознание-то в человеке рождается? Да и мозгов-то в человеке несколько. Например, в животе один из отделов.

— А чего тут гадать? – усмехнулась красавица, наливая себе горячего напитка в кружку. – Божественный Разум всем заправляет, он даёт дозированную информацию каждому человеку, а уж воспринимает он знания по мере своих сил.

— Так-то оно, может, и верно, Тутта Феофановна, – подхватил Дедов, – но нам ведь людей лечить надо. И лечить надо по научно-разработанным методикам, то-есть безошибочно. Вы ведь знаете, что мозг управляет всеми органами в нашем теле. Вот сейчас в мире пандемия, коронавирус вольготно гуляет по планете, медики борются с этой болезнью всеми доступными методами, а ведь мозг даёт команду для выработки антител организму. Мозг занимает всего пять процентов от массы тела, а потребляет более двадцати процентов энергии.

— Наши военные здесь тоже в лечении нуждаются? – спросил Пак.

— Да нет, Петрович! – небрежно отмахнулся Дедов. – Они уже все провакцинированы. Я обучаю их правильной, научно-выверенной, работе с подчинёнными, с солдатским контингентом. Это побочное моё занятие, плановая работа, а основная тема моих интересов – это память. Как мозг человека запоминает и конденсирует гигантское количество единиц информации? Сложнейшая проблема, я вам скажу. Почему, например, у одних людей через синапсы устанавливаются постоянные связи между нейронами, а у других только кратковременные. Одни помнят почти всё, что изучали, даже помнят всевозможные мелкие события, что происходили год-два, десять лет назад, а другие не помнят даже, что было вчера. Вот Наполеон Бонапарт помнил имена всех солдат в его гвардии, а это ведь десять тысяч человек. Во память!

— Согласен, память вещь странная и удивительная, – поддержал Пак.

— Мозг человека, – это огромной ёмкости биологический компьютер, – кинулся в разъяснения Дедов, – это запоминающее, или скорей, принимающее устройство. Размышление, – есть цепь воспоминаний и сравнений, поток информации и образов, закреплённый в нейронах, которых в человеческом мозгу тридцать два миллиарда, а синапсов, которые мгновенно связывают и передают информацию в три-четыре раза больше. Если последовательно просмотреть всё, что запомнил мозг к тридцати, например, годам, то просмотр займёт триста сорок два года. Но вот где центр управления? Одни учёные считают шишковидную железу, эпифиз, центром управления сознанием, таким диспетчером, третьим глазом. Другие уверены, что центр управления сознанием находится вне зоны мозга. Мнения, как обычно, разделились – вот и думай что хочешь...

— Уму непостижимо! – воскликнул Иван Петрович, откинувшись на спинку стула.

Тутта, попивая свой чай мелкими глоточками, с интересом поглядывала на Дедова. Артёму от такого внимания красавицы стало как-то неловко, зато Иван Петрович пытался удовлетворить своё любопытство:

— Я, Артём, простой строитель, не медик, как ты знаешь, выражайся проще, но всё же объясни в двух словах, в чём суть твоей научной работы?

Дедов понимал, что ум и красота в женщине вещи редко совместимы, но, в данном случае, в прекрасной хозяйке, они явно присутствовали, а потому он постарался прилипнуть взглядом к Ивану Петровичу. И вообще, присутствие Тутты его несколько смущало.

— Если коротко, Петрович, то моя теория заключается, казалось бы, в простой вещи – взять обычного человека средних лет, записать в цифровом варианте не столько ту информацию, что он накопил в своей сознательной жизни, а прежде всего ту память, именно ту информацию и генетическую программу, по которой развивался его организм с самого начала деления клетки. Всю эту информацию нужно сжать до микроскопической точки.

— А зачем? Это же триллионы единиц информации.

— Ты о теории Большого Взрыва что-нибудь слышал, строитель?

— Знаю, гигантская сейчас вселенная четырнадцать миллиардов лет назад выросла даже не из единственного атома, а вообще из какой-то там точки.

— А то что вселенных превеликое множество, и все они взаимосвязаны?

— Знаю, слышал! Только причём тут проблема памяти и вселенные, космос вообще.

— А притом, Петрович! – с жаром кинулся в объяснения Дедов и даже на время забыл о присутствии хозяйки за столом. – Время считается величиной постоянной, то-есть константой, да только эта константа для каждой вселенной своя. Одним словом, в каждой вселенной время течёт по-своему, отлично от времени соседней вселенной. Теоретически я могу записанную память человека сунуть в соседнюю, параллельную вселенную, где время и жизнь на той же Земле соответствует времени античности, например, а там автоматически произойдёт трансформация вещества, мгновенное рождение мыслящего существа, клона, через сознание и ощущения которого мы сможем изучать чужой для нас мир в лабораторных условиях. Но это так, для эксперимента, мои фантазии...

— Всё ясно, Артём! – подытожил хозяин. – Грандиозно, масштабно, но едва ли осуществимо в настоящее время, в чисто техническом плане. Нужно сначала создать компьютер, ёмкость которого будет, хотя бы семьсот петафлопс обработки информации в секунду. Большой компьютер Сбербанка, например, имеет ёмкость всего восемь петафлопс обработки информации в секунду. Насколько мне известно в одном только петафлопсе несколько тысяч триллионов единиц информации, которую нужно обработать и запомнить за секунду.

— Вам, Дедов, надо привести свои мысли в определённый порядок, – подала голос Тутта. – У Вас сумбур в голове, Вы уж простите, слишком много всяких идей и обрывочных теоретических направлений, хотя и имеющих научное обоснование.

Артёму Дедову показалось, что кто-то мягко поворошил его мозги. Он повернулся всем корпусом к женщине.

— Я сейчас стараюсь стройно записать свою теорию на ноутбуке, Тутта Феофановна. – Вы уж, наверное, заметили, что долго не ложусь спать

— Какие-то несбыточные у тебя, Артём, планы, – вставил замечание Иван Петрович. – Едва ли твои задумки и разработки можно перевести в практическую плоскость даже в отдалённом будущем.

— Да нет! – вздыбился Дедов, повернувшись опять к Ивану Петровичу. – Компьютер большой мощности и ёмкости уже теоретически разработан. Не это главное. Мне важно, нам, физиологам, важно, – поправился он, – записать многомерную информацию подсознания от момента рождения, то-есть физиологическую, глубинную память, биологический процесс роста. Тогда по информационной цепочке можно будет проследить где произошёл сбой в программе развития и жизнедеятельности организма, где и в какое время образовался бракованный, повреждённый ген. Мы этот ген исправим и болезни Дауна, например, не будет, можно будет избежать с нашей помощью болезни Альцгеймера, детского церебрального паралича, да вообще о многих болезнях, если не о всех, можно будет забыть. Нам людей лечить надо гра-

мотно, по-современному, Петрович, а то ведь лечим всё ещё, как во времена Чехова, на глазок, интуитивно и топорно.

— Да лечить-то надо! – поддержал Иван Петрович.

— А ещё более грандиозную задачу мы в институте задумали, – кинулся в откровения Дедов, – это усилить мощность мышления человека. Надо, чтобы молодой человек тратил на обучение не пятнадцать лет, а, скажем, только три года. Мы пытаемся сделать нейрон настолько ёмким, чтобы он мог устанавливать не три-четыре связи, синапса, с другими нейронами, а в разы больше, например, сорок-пятьдесят синапсов. Обработка любой информации увеличится неизмеримо, соответственно возрастёт и память.

— Да ты что, Артём! – встал на дыбы Иван Петрович. – Я, конечно, не физиолог, но даже и мне понятно, что клетка не выдержит такого напряжения. Для обработки такого объёма информации клетке нужно много энергии, откуда она её возьмёт? При большей нагрузке неизбежен перегрев – мозг просто сгорит. Здесь нужна полная перестройка всего организма, нужна другая группа крови.

— Какая? – насторожился Дедов.

— Например, пятая, универсальная!

— Мы сделаем невозможное!

— Но ведь это же чудовищный объём информации! – воскликнул Иван Петрович. – Это под силу только богам, Высшему Разуму, Создателю мира! Прочитать полностью физиологическую память, закреплённую и накопленную в мозгу – это уже нечто сверхкосмическое. Потом, если просто переслать записанную программу развития в определённую точку, то процесс от рождения до взросления объекта займёт много времени. Надо значительно ускорять процесс восстановления, а как? Объект нужно долго охранять пока он накопит ещё и жизненную информацию в своём мозгу. По-моему, такая задача несбыточна, ты, Артём, замахнулся на святая-святых, на тайну Бога. Я, мой друг, конечно, восхищён, – такая грандиозная цель, такие перспективы..., совершить, что задумал, – это же революция в медицине. Но технически... Нафантазировал нам тут. Может, завтра с утра с нами пойдёшь? Разомнёшь ноги-то, голову освежишь таёжным духом, по-иному мыслить будешь. Природа, она того..., тоже лечит.

Иван Петрович знал, что Дедов не пойдёт и предложил всего-лишь для того, чтобы отвлечь, хотя бы временно, своего гостя от научных проблем.

— Иван! Ну, ты же знаешь, что у меня нет выходных, – как-то кисло заговорил Дедов. – Завтра мне с утра надо в институт, люди придут...

Летний вечер в эту июльскую субботу оказался ясным, хотя днём с северо-запада наполнили тяжёлые тучи, угрожая затяжным дождём, но порывы ветра не давали дождевому фронту вылиться на тайгу. Лес глухо и негодующе шумел вершинами, и, наконец, к вечеру флотилия туч убралась на восток, очистив небо, которое теперь зелёным пологом раскинулось над большой поляной возле нескольких скал из железистого сланца. Поляна своей вытянутой плешью опускалась с невысокого холма в сторону лесного массива, что чернел в трёхстах метрах на западе, и там, над частоколом гребёнки елей раскинула свою красную шаль красавица-заря, обещая грибнику, или туристу, на завтра погожий, ясный и жаркий день.

На поляне, с редкими, но могучими столетними соснами, почти рядом со скалами, горел небольшой костерок с обязательным котелком на перекладине, возле которого в позе лотоса сидели два человека, молча и неспешно попивавших лесной чай из берестяных кружек. Оба путника были в камуфляжной одежде с такими же бейсболками на головах и, если бы не огонёк костра и чернеющий котелок над ним, то едва ли бы проходящий мимо грибник приметил бы их в наступающих сумерках.

Где-то за грядой скал, в лесной низине, редко и надсадно каркала всё ещё неугомонившаяся на ночь ворона. Задувавший днём ветер к этому вечернему часу совсем утих, зато появи-

лись вездесущие жирные комары. Один из путников, поставив кружку на сухую землю возле костра, нарушил тишину:

— Слушай, Тутта, давай наймём домработницу! Ну, что ты всё сама, да сама? Уборка в доме отнимает много времени, а ты ведь ещё и работаешь в поликлинике. Я же хорошо зарабатываю, мои проекты идут у заказчика на ура, тебе это известно...

Женщина порывисто сдёрнула с головы бейсболку с косынкой, по плечам рассыпались, блеснувшие тёмной медью, локоны густых волос..

— Я с детства привыкла делать уборку в доме, Фан, – отреагировала она. – Ты же знаешь. Считаю это хорошей привычкой, иначе я перестаю ощущать себя хозяйкой в своём доме.

Иван Петрович звонким шлепком прибил зундящего насекомого у себя на шее, окунувшись в окружающую тишину, долго смотрел на пламенеющий закат, который закрыл своим огромным парусом почти половину светло-зелёной полусферы вечернего неба и, с некоторым волнением в голосе, вдруг, нарушил молчание странной фразой:

— Мне эта вечерняя идиллия, с таким вот красным небом сейчас, наваяла родное время, там..., далеко..., в юности...

Отогнав надоедливых насекомых веточкой верболозы, Тутта задумчиво осмотрелась вокруг.

— Мне тоже, милый, – ответила женщина. – Мы ведь для того и ходим с тобой в горы, в лес, на природу, чтобы, на недолго, пусть на чуть-чуть, окунуться в прошлую жизнь. Состав воздуха и давление в этом времени, конечно, слабые, деревья стали меньше, но скалы, камни, их почти не коснулось беспощадное время. Может быть, сохранились ещё наши родные города, Фан? Ну, хотя бы развалины, фундаменты?

Мужчина посмотрел в небо, которое из нежно-зелёного быстро становилось густо-синим с красноватым оттенком, и уже на нём появились первые звёзды, а, пламенеющий на западе закат, сменил свой оранжево-красный цвет на тяжёлый, багряный. Опустив голову и взглянув на жену, он решительно махнул кистью руки.

— Да ты что, милая? За полтора миллиона лет даже континенты изменили привычные очертания, появились новые моря, озёра, даже реки изменили свои русла. Сама ведь знаешь, – за это время было несколько потопов, два или три похолодания с мощным оледенением, гигантские пласты льдов в километр толщиной, при своих подвижках вывернули и стерли даже тяжёлые блоки фундаментов в древних городах. А климатические потрясения, а извержения вулканов, а землетрясения, которых за год на планете бывает по десятку и более? Я имею в виду только крупные землетрясения, про мелкие и упоминать не стоит, они происходят ежечасно; Земля ведь живая – вздрагивает, дышит. Все эти планетарные катаклизмы, милая Тутта, давно уже стёрли даже ничтожные следы нашей могущественной когда-то цивилизации. А ещё были катаклизмы космического масштаба. Я тщательно рассматривал современные карты, пытаюсь обнаружить какое-либо сходство с геологическим обликом нашего времени. Кое-что просматривается: например, Уральский горный пояс, Скандинавия, Альпы, но Гиперборейского архипелага на севере нет, там океан и льды. Срединного моря тоже нет, которое в наше время тянулось от Балкан до Саян. Вдоль северного его побережья располагалась Страна Саков, а ещё севернее жили этруски и арийцы, предки славянских племён, ну, а на юге и юго-востоке проживали ассийские племена. А огромный Лемурийский архипелаг в Тихом океане? Его же поглотила океанская пучина, остались только мелкие острова и атоллы.

— Да, я знаю, Фан, – с некоторой тоской в голосе обронила женщина.

— А ты хотела бы вернуться в своё родное время? – с каким-то напряжением спросил мужчина. – Хотя бы на один день?

— Да! – с жаром произнесла женщина, широко распахнув глаза. – Хотелось бы увидаться с родней, с преподавателями, с твоим дядькой. Прыгнуть хочется с какой-нибудь скалы и поле-

теть, как когда-то в молодости. Жаль, что в этом времени прыгнуть и полетать невозможно, очень большая гравитация и разрежённый воздух, разобьёшься в лепёшку.

— За полтора миллиона лет, – медленно заговорил мужчина, – масса Земли увеличилась намного, милая Тутта. Приросла органикой, вулканическими извержениями; сорок миллионов тонн космической пыли и метеоритов, как ты знаешь, наша Земля принимает ежегодно. Теперь уж и не прыгнешь с какой-нибудь высоты, не летаешь, плотность воздуха уменьшилась значительно, да и деревья стали маленькими. А помнишь, как мы прыгали с нашего пня двухсотметровой высоты и летели до самой воды в бухте? А это ведь расстояние почти в триста пятьдесят метров...

— Я всё помню, милый, – прозвучал ответ женщины. – Да, наш пенёк был двести метров высотой, но плотность воздуха была тогда близкой к плотности воды, а гравитация гораздо меньше, чем сейчас. Наша милая Земля была ещё маленькой. А ты помнишь ту Золотую долину, которую мы с тобой нашли в горах, там ещё был мёртвый город с площадью и пирамидой в центре, а в пирамиде на глубине в пятьсот метров мы нашли спящую в физиологическом растворе андезитовой ванны женщину неопишуемой красоты. Мы ещё тогда сделали замер состава материала плиты на ванне нашим универсальным навигатором и оказалось, что эта прекрасная женщина лежит там уже восемьсот миллионов лет. Как думаешь, она всё ещё там?

— Я больше чем уверен, Тутта, что прародительница человечества всё ещё там, под пирамидой. Но скажу тебе как мужчина – по женской красоте ты мало в чём ей уступаешь.

— Ты намеренно льстишь мне, Фан, – улыбнулась Тутта.

— А какой смысл мне льстить, милая? Кроме нас здесь всё равно никого нет. Скажи лучше, как тебе эти люди, среди которых мы живём уже двадцать шесть лет?

Женщина задумалась, посмотрела куда-то вдаль, в огромных глазах её загадочно сверкнули красноватые блики от пламенеющего заката.

Понимаешь, Фан, – взвешивая каждое слово, заговорила она, – наши теперешние современники внешне, конечно, похожи на нас, хотя и стали на метр ниже ростом, ну, так и мы с тобой уменьшились, хотя среди них выглядим высокими. В отличие от людей нашего времени, здешние люди, скажем так, более изворотливые что ли; много врут и ни во что не верят, и никому не доверяют. Люди нашего времени были проще, наивнее, верили в могущество и силу богов, больше доверяли друг другу, верили жрецам, своим учёным и своим вождям, и те ведь, в отличие от здешних, не обманывали людей, старались свои обещания выполнять. А ещё я бы сказала, что людей на планете стало очень много и экономики стран практически работают только на потребление и вооружение, а ведь это замкнутый круг. Люди, среди которых мы с тобой сейчас живём, меньше заняты наукой, их больше привлекают развлечения, а это чревато социальными тупиками... Иногда я сожалею, что нахожусь в этом времени, когда вижу очередную людскую глупость. А вообще, здесь интересно, особенно социологу; я тебе так скажу, Фан, в этом времени, всё-таки совсем другие люди, хотя во многом похожи на наших...

— Человечество разрослось, – медленно заговорил Иван Петрович, – людей стало много..., но за полтора миллиона лет Земля тоже стала гораздо больше.

— Планета, Фан, не сможет в скором времени прокормить десять миллиардов человек, – это уже тупик. Срочно необходим жёсткий контроль за рождаемостью. Кругом сплошные социальные тупики..., иногда скучно становится...

— Пожалуй, ты, дорогая, по нашей бабушке Ядвиге больше скучаешь, – высказал догадку Иван Петрович.

— Ха-ха-ха! – оживившись, звонко и весело рассмеялась Тутта. – Вот с ней-то я часто встречаюсь. Мне иногда совет её мудрый нужен здесь, в этой жизни.

— Вот те на! – удивился Иван Петрович. – Почему я об этом ничего не знаю? Ты не рассказывала. Где это ты с ней встречаешься?

— Во сне, милый Фан! – таинственно улыбнулась Тутта.

— Ну..., во сне, – разочарованно протянул Пак. – Это всё же не то.

— Не скажи, Фан! – посерьёзнела женщина. – Она является ко мне во сне и спрашивает: «Ты звала меня, внучка?». Я говорю, что звала, мол, потому что соскучилась, да и совет твой мне нужен по такому-то вопросу. Объясняю ей проблему, чаще медицинскую, но, бывает, и житейскую. Она мне всё толково разъяснит, мы с ней беседуем, я рассказываю ей о жизни в этом времени, о людях и их поведении, потом обнимемся, и я просыпаюсь в хорошем бодром настроении.

— Ну, всё равно – это только сон, милая Тутта.

— Со-он! – слегка рассердилась женщина. – А что люди знают о сне вообще? Даже сомнологи, специалисты по снам, ни черта о своём предмете не знают. Это же очень важное состояние организма: мозг в этом отрезке времени ремонтирует органы и системы нашего физического тела. Но даже не это главное – сознание наше, или проще душа, знакомится с другими вселенными, с другими мирами, с другими реальностями в разных временных отрезках. Это параллельные миры. Кстати, если человек безнадежно болен, или очень стар, то из понравившейся ему во сне реальности он в свою уже не возвращается. Здесь остаётся только физическое тело.

— Вот с этим я согласен, Тутта, – поддержал Пак.

После короткого молчания, он добавил:

— Хотелось бы и мне тоже встретиться с красавицей Ядвигой, твоей бабкой. Прямо язык не поворачивается называть её бабкой. Ей богу прекрасней женщины я не встречал в своей жизни, ну, за исключением тебя, конечно, моя очаровательница.

Тутта более внимательно взглянула на мужа, в глазах её таинственно сверкнули красноватые блики. И то ли они самостоятельно родились в её удивительных очах, то ли это был просто отблеск вечерней зари. Иван Петрович слегка отпрянул, а жена обворожительно улыбнувшись, тихо произнесла:

— Ну, это можно устроить, милый.

— Как!? – только и смог произнести ошарашенный Пак.

— Помнишь тот каменный шар возле Александровской сопки?

— Как не помнить? – напряжённо буркнул Пак. – Мы наткнулись на него случайно. Я ещё тогда обкопал его со всех сторон сапёрной лопаткой. Идеальной формы шар, размером не больше метра в диаметре, чистый кварцит. Помнится, я его обратно, по твоей просьбе, забросал землёй, над поверхностью почвы осталась только лысина. Сейчас и не найдёшь его. Надо было взять с собой навигатор.

— Ну, я-то знаю как его найти, – усмехнулась женщина.

— Интересно как это? Да и что он нам даст?

— Так там же Место Силы, Фан! Аномальная зона, переменное магнитное поле. Бабушка вполне может там появиться. Там граница миров, а ты же знаешь её возможности – вот там и встретимся? Вот для этого случая бабушка и посоветовала мне завести воронёнка.

— Да..., – в раздумье согласился Иван Петрович. – Она умеет работать с энергиями. Ну, так давай завтра сходим к камню. Отсюда это будет километра три-четыре, вроде бы недалеко, только как его найти.

— Да нет, завтра не получится.

— Так когда же?

— Воронёнок мой ещё не подрос.

— Да он-то нам зачем, милая?

— Разве ты забыл, Фан, что чёрный ворон является проводником, то-есть посредником между параллельными мирами. Только эта птица чувствует, где зыбкие границы миров соприкасаются. Ему совсем нетрудно обнаружить Место Силы.

— Так наш воронёнок уже хорошо летает по дому и по двору! – нетерпеливо воскликнул Иван Петрович. – Да и на природу мы его с собой брали. Он же тебя за свою родительницу принимает, а потому далеко не улетает.

— Успокойся, милый! – проворковала Тутта. – Того, особого чутья, он ещё не приобрёл. Ровно через месяц он сможет точно показать нам заветное место возле этого камня.

Иван Петрович, прихлопнув очередного комара, предложил:

— Давай укроемся силовым полем, а то комарьё нас заест, да и поспать нормально не даст. Дым от костра поле пропускает, а эти противные кровососы до нас не доберутся. И нечистая сила нас не увидит.

С этими словами Пак вынул из рюкзака известный Тутте прибор величиной с ладонь, где виднелось всего две кнопки – белая и красная. Поднявшись, Иван Петрович разогнал редких комаров и включил свой прибор.

— Ну вот, – заметил он, – теперь мы всё видим вокруг, а нас никто.

— Так уж и никто? – усмехнулась Тутта.

— А ты помнишь зимой, – заговорил Пак, усаживаясь на прежнее место, – мы, кажется здесь же, развернули поле, и костёр дымил, и мы на фоне белого снега хорошо видны, а в двадцати метрах проходила группа лыжников, и на нас даже никто внимания не обратил. Ты же сама проверяла. Я тебя выпустил, поле включил, и ты даже в двух метрах от нашего уртона ничего не увидела, ну, если только лёгкий рассеянный дымок от невидимого костра.

— Это верно, Фан, но зато я чувствовала, что здесь кто-то есть.

— Потому, что знала.

— Ну, а те у кого инфракрасное зрение?

— Люди таким зрением не обладают, Тутта.

— Зато некоторые хищники и нечистая сила его имеют.

— Да откуда им тут всем взяться, милая?

— Бывает, забредают из смежных миров. Случайно, конечно. Я вот удивляюсь, Фан, как этот прибор всё ещё работает, ведь двадцать шесть лет прошло.

— Тха! Да что ему поделается? Он и тысячу лет будет работать. Древние мастера всё делали на века, не то что нынешние. В этом приборе атомный микропреобразователь, холодный ядерный синтез, улавливает энергию планеты, я же тебе уже говорил.

— Да я, милый, к сложной технике равнодушна, забываю. Моему мозгу лишний научный балласт не нужен.

— Давай спать, Тутта, – предложил Иван Петрович. – Залезай в свой мешок, а я в свой, да подумаю, что я скажу твоей прекрасной бабке при встрече, о чём спрошу твою мудрую родственницу.

Глава 2. БЫТ НАС ЗАЕЛ

Гришке Лялину, сорокалетнему крепкому мужику, до того надоела повседневная однообразная бытовуха, что он «взорвался». Так бывает с людьми неординарными, с мятущейся душой, со сложным мировоззрением, которых простой ритм жизни не устраивает, ему нужно более широкое поле деятельности, а как, а где? Вот и падает человек в бездну человеческих грехов. Стал наш Лялин посещать злачные места, бывать в шумных компаниях, быстро приобрелся к крепким спиртным напиткам, но жену свою и двух уже подросших дочерей, школьниц старших классов, не трогал, да и дома частенько не ночевал. Жена, Наталья, как это обычно бывает, терпела, дочери жили какой-то своей жизнью, не замечая, или не желая замечать, что отец изменил привычный, ритмичный образ жизни на разгульный. Скорей всего замечали, да не хотели вмешиваться в отношения отца с матерью. Может, побаивались, хотя отец никогда им не угрожал, моралей не читал, а, наоборот, всегда улыбался, делал дочкам всякие мелкие подарки: от сладостей, до разных там носильных вещей.

Жили Лялины в своём доме, но из хозяйства держали на дворе только кур, да собаку. Был ещё при доме приличный садовый участок, где семья выращивала для своих нужд разную огородную мелочь, что было хорошим подспорьем для семейного бюджета. Разгульную жизнь Григория соседи заметили и даже кое-кто попытался сделать ему мягкое внушение, но Лялин посылал таких заботливых граждан по известному в народе адресу, на этом всё и заканчивалось. Всё же ближайший сосед Фёдор Ткачёв как-то Григория при встрече спросил:

— Гриша! Не надоело ещё куролесить? У тебя же девки невесты, какой пример-то подаёшь?

— Страстями надо жить, Федя! Страстями! – ухмыльнулся Лялин. – А потом кто ты такой, чтобы мне замечания делать? Кто такой, спрашиваю?

— Ну, ладно, ладно! Чего раздухарился-то? Я же твой сосед, на десять лет тебя старше и знакомы мы с тобой давно, часто друг другу помогали по хозяйству. Разве не так?

— Ну, так! – огрызнулся Лялин. – И что из того?

— А то, Гриша, что мужик ты работающий! Из своего природного любопытства хорошие нужные строительные профессии освоил: и сварщик, и каменщик, и отделочник. Из того же любопытства вечерний политех закончил, инженер-конструктор, на заводе перед тобой перспективы открылись...

— Какие перспективы, Михалыч!? – перебил, психанув, Лялин. – Ну, какие перспективы? Сидел в отделе, бумаги перебирал. Дом – работа, работа – дом! Надоело всё!

— Ну, а водка лучше? – спокойно заметил Ткачёв. – С завода за пьяные прогулы выгнали. Тебя..., специалиста высокого ранга! На что пьёшь-то?

Водка? – задумчиво произнёс Лялин. – Может, оно и лучше, хотя бы временно в каком-то виртуальном, но в своём мире, в другой вселенной живу. Да и зарабатываю я. Вон, то Пак Иван Петрович позовёт очередной коттедж строить, то олигарх наш, Грач Николай Иванович, покличет. Сам ведь знаешь, он большим строительством заведует. Всем я пока что нужен, Федя. Все-ем!

Ткачёв коротко бросил взгляд в конец улицы, где через дорогу, за мощным кирпичным забором высился трёхэтажный дворец крупного местного предпринимателя.

— Ты же у них временно работаешь, Гриша, – продолжил вразумлять сосед. – Заработал – пропьёшь, закалымишь хорошую денгу и к дружкам-алконавтам опять. Утро вот, а от тебя уже перегаром несёт, уже спозаранку остограмлился.

— Вот уж это ты врёшь, Федя! Не успел ещё.

— Конечно! Магазин-то ещё не открылся.

— Кто ищет, тот всегда найдёт! – ухмыльнулся Лялин.

— Не то ищешь, брат! Не то и не там!

— Тебе-то что?

— Да ты посмотри на себя в зеркало-то, парень! На бомжа ведь похож.

— Учёные люди говорят, Федя, что человек видит в зеркале не себя, а отражение своего клона из другого мира. Ха-ха-ха!

— Лечиться тебе надо, Гриша, только не у нарколога. Душа у тебя мается, парень. И я даже знаю, кто тебя в одночасье вылечит.

— Интересно, кто это? – цинично процедил Лялин.

— Жена твоего временного работодателя, Ивана Петровича Пака! Как она? Имя у неё ещё такое, заковыристое, как-то не по-русски...

— Тутта, что ли!? – догадался Лялин. – А чего она понимает? Ну, знаю, работает она в нашей городской поликлинике. Вроде бы терапевтом. Не смеши меня, Михалыч.

— Да ты сходи, сходи к ней на приём-то, дурень! Она, говорят, как раз вот алкашей-то и лечит.

— Я не алкаш, Михалыч! И нечего меня толкать, куда ни попадя. Ты вот чего не на работе?

— Совсем ты, Гриша, голову потерял, – мягко сказал сосед. – Выходные же наступили. Хотя для тебя всё равно какие дни. Говорю же, полечиться тебе надо, друг мой.

— Я не алкаш, Федя! – повторил Григорий и шагнул мимо соседа. – Пока.

— Все так думают! – донеслось сзади. – Все алкаши так говорят!

Лялин ушёл, но слова соседа Ткачёва про лечение всё же засели у него где-то в подсознании и после очередного загула он таки решился сходить в поликлинику, благо, что она находилась на соседней улице. Взяв в регистратуре талон на приём, Лялин поднялся на второй этаж, нашёл нужный кабинет и удивился тому, что не застал возле двери привычную очередь из потенциальных больных. На дверях висел зеркальный квадратик, где витиеватым чёрным шрифтом выделялась надпись: «Тутта Феофановна Пак, психотерапевт» и часы приёма больных.

Григорий постоял возле дверей, подумал, его начали раздирать сомнения, он хотел, было, развернуться, да убраться восвояси, но тут из соседнего кабинета вышел врач в очках, в белом халате и такой же шапочке с неизменным фонендоскопом на шее. Он как-то строго взглянул на Лялина, направляясь по коридору. Григорию стало как-то не по себе, пронеслась мысль: «Ещё подумает, чёрт очкастый, что я трусил». Лялин решительно постучал в дверь, оттуда донёсся приятный женский голос, приглашающий войти.

За столом с компьютером, заваленном какими-то стандартными бланками и записками с результатами анализов, сидела довольно высокая, но красивая молодая докторша в белом. Она что-то заполняла на компьютере, поглядывая в экран монитора. На углу стола стояла тарелочка с салфеткой в ней. Возле тарелочки лежали два маленьких цилиндра: светло-серого и красноватого цвета. Григорий уселся на стул, который был поставлен не сбоку от стола, как обычно, а напротив врача. Лялин оказался лицом к лицу с женщиной, и это ему уже не понравилось, но не вскочишь же, не уйдёшь. Врач внимательно посмотрела на пациента и Григорию показалось, что она пошарила у него в голове своими ухоженными пальцами с накрашенными бордовым лаком ногтями. Да нет, её руки лежали на клавиатуре компьютера.

Врач не задала Лялину привычного вопроса, на что жалуетесь, зато мягко сказала:

— Можете не говорить, я знаю что с вами!

— А знаете, так назначайте какие там надо медикаменты, – буркнул Григорий.

— Я не использую медикаментозную терапию, Лялин, – проворковала докторша, – у меня совсем другая методика.

Она налила полстакана воды из графина, капнула в стакан с десяток капель какой-то жидкости из колбочки и, подав Григорию стакан с содержимым, жёстким голосом приказав выпить.

Лялин подчинился, по опыту учуяв в выпиваемой жидкости, сильно разведённый водой алкоголь. Докторша приняла от Лялина пустой стакан, и, в упор глядя на пациента, протёрла ладони мокрой салфеткой с тарелки. После чего, не переставая сверлить Григория глазами, взяла в каждую руку по цилиндру и положила сжатые кулаки на стол параллельно друг другу. В голове у Григория, где-то в центре, но ближе к затылку, возник лёгкий зуд. Так захотелось почесаться, что правая рука невольно дёрнулась, но ведь в голову не залезешь. Огромные глаза докторши сверлили зрачки Григория, казалось, энергия этих гипнотизирующих глаз проникла вглубь мозга. Эти глаза, решительно и настойчиво, по-хозяйски, копались в голове, ворошили содержимое черепной коробки пациента, как скотник вилами бесцеремонно ворошит солому в коровнике. Обездвиженный этим упорным взглядом Григорий тупо смотрел перед собой и ни одной мысли не появилось в мозгу, только какой-то молоточек звонко и ритмично стучал по наковаленке там, в глубине мозга. Сколько длилась эта странная терапия непонятно, время, казалось, остановилось, замерло, наступила вечность. Наконец, докторша прикрыла свои глаза веками и Григория сразу отпустило, напряжение из головы ушло куда-то в ноги.

— Всё, Лялин, сеанс окончен! – донеслось до сознания Григория.

Мужчина откинулся на спинку стула, хмуро взглянул на докторшу, которая что-то записывала на компьютере и процедил:

— Ерунда всё это. Не верю я во все эти терапии. Толку от них мало.

Женщина строго взглянула на пациента и ровным голосом произнесла:

— Успокойтесь, Лялин! Я заблокировала центр удовольствия. Точечно, именно на алкоголь.

— Тхе! – скептически хмыкнул Григорий. – Знаю я одного алкаша: два года назад приезжал к нам в город московский врач-калымщик, загипнотизировал вот также этого алконавта от пьянки по просьбе его матери, а этот алкаш тут же начал пробовать, помогло ему такое лечение или нет. Выпил водки – его тут же и вывернуло, он повторил – результат тот же. Так ведь заявил при свидетелях, что, мол, он москвича всё равно победит, врача того, калымщика. Начал с пива и лёгкого вина, его постоянно выворачивало, а он упорно продолжал. Два или три месяца промаялся таким вот образом, и ведь, ничего, пошло, снова пить начал, по-прежнему.

Докторша снисходительно выслушала монолог Лялина.

— Я, Лялин, вас не гипнотизировала, – объяснила она, – у меня совсем другая методика. – Вы просто будете равнодушны к любому виду алкоголя, у Вас не возникнет даже мысли пробовать, экспериментировать на себе. Не Вы первый, и уж точно не последний. В моём времени тоже были пьяницы, их так и лечили.

— Ну, хорошо, если будет положительный результат, – согласился Лялин и подумал: «В каком-то ещё её времени, двадцать лет назад что ли? Так вроде бы ей на вид ещё и тридцати-то не дашь. Небось, только что институт закончила, самоуверенная, но это по молодости. Ну и девах!»

— Чем же я пустоту-то заполню? – неожиданно сказал он

— Работой, которая Вам по душе, Лялин! – убеждённо заявила докторша.

— Нет, Тутта Феофановна, – тут же возразил Григорий. – Близкая душе работа отвлечёт только на время, а потом опять мрак пустоты.

— Старайтесь эту пустоту заполнить важным и нужным для души содержанием.

— Да как её, эту пустоту заполнишь! – взорвался Григорий. – Коли, у нас государство неудобное, в нём неудобно жить! Постоянно по жизни встречаются какие-то мелкие начальники, возомнившие о себе самодуры, которые чего-то требуют от нас, и, что важно, послать их на три буквы себе дороже. Всё, что накопилось в душе высказать не могу публично, через газету, например, потому что не напечатают, редактор боится всяких скандалов.

— Есть же Интернет! – заметила докторша. – Выкладывайте там свои соображения, претензии.

— Там платить надо, – буркнул Григорий. – И потом на три буквы какого-нибудь гада не пошлешь – оштрафуют. Если же встать на какой-нибудь подиум и начать громко высказываться, то люди, проходящие мимо, будут крутить пальцем у виска, намекая на то, что, мол, того, оратор-то чокнулся. В психушку ведь заберут, а оттуда уж и не выйдешь. Помню я ещё пацаном был в девяностые годы, – демократия, всё разрешено, народ, известное дело, взбесился. Один идиот в абсолютно нагом виде начал выступать прилюдно, чего-то там петь, так одни прохожие стали ему денежку класть к ногам, а другие, видно великие моралисты, принялись его избивать. Он бежать, моралисты за ним, а тут, как на грех, двое мелких воров везли в кузове малолитражки сворованный где-то сварочный аппарат. Вы же понимаете, что «светиться» им, привлекать внимание к себе, ну, никак нельзя, а этот голый артист видно устал убегать, притомился – вот и уцепился за задний борт, да так и бежал сзади. Эти вору не знали как от этого идиота отделаться, быстро не поедешь – людей много на улице и этот прицепился, внимание привлекает. Одним словом ситуация, я Вам скажу... и глупая, и смешная...

Докторша слушала, не прерывая, после чего заметила:

— Всё это жизнь, Лялин, она многообразна.

— Да бытовуха это, – вот она-то нас и манает. Люди друг другу житья не дают по разным причинам – вот отсюда и пьянство...

— Но без людей, Лялин, Вы не прожил бы и недели. Представьте себе, что в городе нет ни одного человека, нет электричества, огонь добыть и то проблема, пропитание себе тоже как-то добывать надо...

— Да я понимаю, Тутта Феофановна, – согласился Григорий, – а с другой стороны, планируешь одно, а получается не совсем так, или совсем не то. Из-за людей весь негатив-то, интересы наши не совпадают, противодействие начинается – вот отсюда и постоянная неудовлетворённость. Или, например, купил нужную вещь, а она оказалась с браком. В старые времена, в древности ещё, пошёл бы с такой фальшивкой обратно на базар, да этим товаром продавцу по морде. Раньше плохо сработанный товар покупателю не подсовывали, продавец боялся прямого наказания, мордобития от покупателей, а сейчас тебе товар так просто не обменяют и деньги не вернут, надо кучу актов всяких, хождений по инстанциям, да судебных решений, да плюнешь на всё... А сколько потерянного времени? Я уж не говорю про эту сволочь, чиновников, к которым у людей вообще много вопросов, потому что не для народа они стараются, а для своего кармана. К высшим чиновникам с жалобой или деловым предложением не пробьёшься, потому как они обзавелись сворой, оберегающих их покой, клерков, у которых, естественно, нет властных полномочий, проблем жалобщиков они устранить не могут, но и до шефа не допустят, – вот всё и возвращается на круги своя, – вот она где «собака-то зарыта». Говорю же – неудобное для житья простого человека государство... И изменить ничего нельзя, людей же не поменяешь, мозги им не заменишь...

Докторша приподняла руку над столом ладонью к Григорию, как бы отталкивая его слова.

— Остановитесь, Лялин, – мягко заговорила она, – мне давно видно, что душа у Вас мечется из стороны в сторону. Это означает, что человек Вы творческий, у таких мятущихся людей неудовлетворённость главный признак многогранности мироощущения. Моему мужу нужен помощник, может, пойдёте к нему? Вы же инженер, технарь, строительными профессиями владеете, у Ивана Петровича работа творческая, потому что у него каждый проект индивидуален. Вам по душе придётся. Подумайте и приходите завтра к нам домой, ну, или когда захотите. Где мы живём Вы знаете.

Григорий такого предложения не ожидал, тем более от этой докторши. Говорила она с еле заметным иностранным акцентом, красивая, но красота её была какой-то не совсем привычной, какой-то особой, как бы и неземной что ли. «Пожалуй, она южанка, может армянка или грузинка, – думал он. – Но имя..., какое-то странное, скорее прибалтийское...».

— А откуда Вам известно моё образование? – вскинул брови Лялин. – Да и многое другое, о чём я и не говорил никому?

— Из Вашей головы, Григорий, – ответила женщина, мило улыбнувшись.

Утром воскресного дня Артём Дедов встал с постели на час позже. В этот день он обычно тоже работал в институте, но вчера, в субботу, возвращаясь домой, Дедов где-то, задумавшись, неосторожно запнулся об выступающую тротуарную плитку и носок его модного башмака ощерился гвоздяной зубастой пастью, словно маленькая собачонка. До дома он, ковыляя, дошёл, благо, что тот уже был недалеко. Надо было что-то с обувью делать, как-то отремонтировать что ли. Артём сам бы мог починить свою обувь, но ведь инструмент сапожный нужен, а хозяйка вернется только к вечеру, да и есть ли этот инструмент в доме. Можно, конечно, поискать ремонтную мастерскую, да не хотелось бродить по городу босиком.

«Всё же придётся мастерскую искать, – думал Дедов, – или, может, пойти в обувной магазин, да купить уж новую пару, хотя ведь и эти туфли новье, да к тому же натуральная кожа, не китайское барахло...». Артём бесцельно, в раздумье, бродил по обширной кухне, не зная на что решиться. За ним, по пятам, неотступно цокала когтями по полу овчарка Сакс, поглядывая на него снизу вверх умными глазами, как бы спрашивая чем помочь, а ещё сидел на подоконнике воронёнок и чётким голосом выговаривал: «Куда идёшь, куда идёшь? Боги всё видят, боги всё видят!».

За окном промелькнула тень входящего в дом человека.

— Дядя Артём! – воскликнул человек с порога, узнавая босоногого гостя. – Здравия желаю!

— Здорово, Давид! – вскинул брови Дедов. – Чего это ты, по-военному здравия-то желаешь?

Парень, одетый в лёгкую летнюю куртку с серой водолазкой и привычные джинсовые штаны с белыми кроссовками на ногах, шагнул от входа обнял старшего коллегу и весело произнёс:

— Я ведь с вокзала, дядя Артём!

Потрепав по ушам собаку, которая радостно гавкнула при виде парня, Давид увидел воронёнка.

— Похоже, мать ещё одну животину завела?

Воронёнок заметил нового человека и затараторил:

— Здорово живёшь! Здорово живёшь!

— Умывайся, Давид! – произнёс Дедов. – Я сейчас кофе сварю, да бутерброды сделаю. Родители-то по тайге где-то шастают.

— Да я уж знаю, дядя Артём! – подхватил Давид, бросая свою дорожную сумку на кухонный диванчик. – Зимой-то они редко в лес ходят, а вот начиная с весны, как снег растает, так каждый выходной для них, роднее лесной гущи, да горных круч и быть не может.

Дедов принялся кипятить воду для кофе. Вынул из холодильника сыр, хлеб и масло. Давид умывался, а воронёнок, встряхивая крыльями, приговаривал: «Здорово живёшь, здорово живёшь!».

— А тебя, Давид, родители в лес брали? – заговорил Дедов, накрывая стол к завтраку.

— Ты не поверишь, дядя Артём, – утираясь не совсем свежим полотенцем, сказал Давид, – но я с ними ни разу в лесу не был. – Мальчишкой мне с ними было неинтересно туда ходить, я всё со своими друзьями, а потом вообще как-то некогда было, да они особо-то и не настаивали.

Дедов разлил кофе по чашкам, пододвинул тарелку с бутербродами поближе к усевшемуся напротив парню, и, слегка стукнув своей чашкой по чашке Давида как-то торжественно объявил:

— Ну, Давид, поздравляю тебя с окончанием учёбы, с дипломом биолога!

— С красным дипломом, дядя Артём! – улыбаясь сказал парень. – И потом я не просто биолог, а микробиолог. И предстоит мне борьба нешуточная с врагом невидимым, с вирусами, с бактериями. Вирусолог я, и дипломная работа у меня по этой теме была.

— Похвально, похвально, коллега! Молекулярная биология, очень хорошо! Может, к нам, в Институт мозга пойдёшь? Я посодействую, у нас тайн много, с головой уйдёшь в работу, дел в нашем научном заведении неувпроворот.

Давид откинулся на спинку стула, держа чашку с кофе в правой руке. Левой рукой почёсал затылок и с некоторым сожалением заговорил:

— Заманчиво, конечно, дядя Артём, но я ведь сюда всего на несколько дней приехал, с родителями повидаться, а потом обратно. Пандемия же, в «красной зоне» просили поработать лето, а потом магистратура, специализация по более узкому направлению.

— Да я понимаю, Давид, – слегка огорчился Дедов. – Но учти, у нас очень широкое поле деятельности. Ты думай и держи меня в курсе, перевод к нам я тебе устрою. Сейчас ведь многие молодые перспективные учёные, соблазнённые большой деньгой, на Запад всё едут. Двадцать восемь тысяч человек за последние три десятилетия уехали. Возвращаются, конечно, но мало. А ты как к этим бессрочным отъездам за границу относишься?

— Прохладно! Условия для творческой работы по слухам, – задумчиво произнёс Давид, – там, в Америке, например, говорят, идеальные, но я придерживаюсь древней поговорки: где родился, там и пригодился.

— Это ты сейчас так говоришь, парень, а столкнёшься с нашей бюрократической системой, с постоянным недофинансированием, так не раз ещё мнение своё поменяешь.

— Да нет, мнения своего не поменяю, – твёрдо заявил Давид. – Меня мать с детства приучила к самостоятельности. Из школы прихожу, сам себе обед делаю: картошку почищу, поджарю, например, или яичницу с хлебом, любую кашу мог сварить. Бельё своё, носки там, сам стирал и сейчас это делаю.

— Слушай, Давид! – сменил, вдруг, тему Дедов. – А почему вы Паки? У вас что, корейские корни? На корейцев вы абсолютно не похожи.

— Точно сказать не могу, – медленно заговорил Давид. – Но корни этого имени в глубочайшей древности. Отец говорил, что его прародители из этрусков, по мужской линии, родственных арийцам, а по женской линии из саков, родственных племенам в Средней Азии. Ну, а моя мать, так её корни скрываются где-то в племени древних варварок. Я родился здесь, в этом городе, отец с матерью приехали сюда из Дубны, города ядерщиков, так мне мать говорила.

— Языки какие-нибудь знаешь? – полюбопытствовал Дедов.

— Ну, как тебе сказать, дядя Артём, – замялся парень. – Говорю на всей группе романских языков, знаю тюркский и арабский, а ещё говорю и понимаю по-китайски.

— О, брат, да ты полиглот! – восхитился Дедов. – Ты в России точно работать не будешь. Как это ты ухитрился столько языков-то освоить? На это же уйму времени надо.

— Да я и не старался особо-то, мать их вбила мне в голову, ещё когда я был школьником.

— Но это же здорово, Давид!

— Да чего здорового-то, дядя Артём? Говорю на иностранных языках и понимаю других, но грамоты-то я не знаю, то-есть читать и писать на этих языках я не могу. Даже на китайском надо хотя бы шестьсот иероглифов уметь написать и прочитывать. Я освоил грамоту только немецкого языка, но это ещё со школы.

— Да всё равно великолепно! – радовался Дедов. – Я вот кроме английского других языков не знаю, да и язык-то мне этот нужен только для ознакомления с научными монографиями по моей теме в оригинале.

Давид, склонившись, скормил собаке один из бутербродов, и тут только заметил, что Дедов босой.

— А чего ты без обуви-то, дядя Артём? Мы ведь не на юге живём. У нас хотя и лето, а пол всё равно холодный.

— Ну, тапочек я не нашёл, Давид, а башмак вон надо чинить. Запнулся вчера, подошву на самом носке оторвал. Инструмент нужен: лапа железная, молоток, гвозди специальные.

— Ха, так у отца всё это имеется в кладовке. Там вообще всякого инструмента полно. Пошли, сейчас всё найдём.

Кладовка оказалась здесь же на первом этаже. Из этой кладовой можно было сразу попасть в гараж. Давид включил свет и Дедов по обеим сторонам комнаты увидел стеллажи с разнообразным инструментом. Здесь были сварочные аппараты, разнокалиберные электродрели, электропилы и такие же электрорубанки; рядочками лежали свёрла, гаечные ключи и молотки. На одной из полок Давид с Дедовым нашли, наконец, железную лапу, рядом лежал сапожный молоток и плоская жестяная банка с гвоздиками. В самом углу бросился в глаза Дедову странный предмет размером с футбольный мяч, но приплюснутый с пяти сторон. Шестая сторона оставалась выпуклой и там темнело маленькое отверстие. По бокам предмета находились две ручки, на верхней плоскости блеснул, покрытый пылью, зеркальный круг, диаметром не более десяти сантиметров.

— Дедов понял, что этой вещью давно уж никто не пользовался. Он смахнул пыль с круга и там обозначились только три значка: единица, десятка и горизонтально расположенная восьмёрка, известный знак бесконечности. Дедов приподнял предмет.

— Тяжёленький! – воскликнул он. – Килограммов пять будет точно.

— Осторожно! Поставь на место, дядя Артём! – сказал, нахмурившись, Давид.

— А что это за инструмент? – поинтересовался Дедов, поставив загадочный предмет обратно в угол.

— Да кто его знает. Отец как-то говорил, что этим инструментом можно разрезать за доли секунды бетонный блок для фундамента. С ним надо уметь обращаться, а то, якобы, и самого себя можно уничтожить в одно мгновение. Мне он был неинтересен, я и забыл про него. Вон в гараже машина отцовская меня больше интересовала. Сам он автомобилем редко пользуется, всё пешком норовит пройти, зато меня вождению авто ещё с десяти лет обучил. Так что на отцовской машине всё больше я ездил. Давай вот поедem, да и купим тебе новую обувь, кроссовки какие-нибудь.

Дедов ещё раз внимательно осмотрел странный инструмент. Никакого электрического кабеля к нему не было, из какого материала был изготовлен непонятно: металл – не металл, пластик – не пластик, совершенно непонятный материал.

— Интересно, как он работает? – задумчиво произнёс Дедов. – Кабеля к нему нет, и даже каких-либо разъёмов, гнезд для подключения кабеля не видно. Что-то же должно приводить его в действие?

— Не знаю, дядя Артём, – отмахнулся Давид, – спроси у отца. Пошли твой башмак чинить, да я борщ буду варить.

— Да, да, пошли! – быстро согласился Дедов. – Отец с матерью к вечеру придут из леса голодные, о-о-о...

— Я никогда не видел их голодными, они мало едят, – усмехнулся Давид. – Я и не замечал, чтобы мать что-то из пищи много готовила на кухне. Пища у нас всегда была очень простая, её было мало и никаких изысков.

Глава 3. ЭТА ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Григорий Лялин, избавившись от одной напасти, быстро и неожиданно попал в другую. Надо сказать, что в этом была определённая закономерность: привычная в России неразбериха и безответственность. Получилось, что Лялин совершил преступление, хотя он его и не совершал, и даже не догадывался, что его втянули в какое-то там уголовное дело. Городские оперативники Лялина задержали, следственный отдел возбудил уголовное дело по факту хищения в крупном размере. Григорий, естественно, недоумевал, ведь он всего лишь перегнал тяжёлый японский экскаватор с хозяйственного двора одного хозяина на машинный двор другого хозяина, но почему-то фигурантом уголовного дела стал именно он. Вот и так бывает.

Лялина поместили в камеру городского следственного изолятора, где подследственные сидели иной раз годами в ожидании суда. Григорий, по рассказам опытных сидельцев, кое-что о камерной жизни знал, имел представление как себя вести, а потому, вступив в камеру, он намеренно встал на совершенно чистое полотенце, расстеленное местными сидельцами у порога специально для новичков. Неопытный через чистое полотенце невольно перешагнёт, а настоящий зэк на полотенце уверенно встанет, что Лялин и сделал, изображая из себя неоднократно судимого, опытного камерного волка.

— Здорово, братаны! – громогласно и весело гаркнул Григорий с порога.

Вот хорошо, что он не поприветствовал находящихся в камере сидельцев оптимистичным возгласом: «Здорово, орлы!». За такое приветствие он был бы тут же избит, а то и вообще бы могли прикончить. А ещё Григорий не стал разглядывать помещение и крутить носом от неприятных запахов, что тоже сыграло ему на руку. Воздух в камере был очень далёк от свежего. Давно некрашенные стены впитали в себя все запахи тесного человеческого общежития, все негативные эмоции: ненависть, отчаяние и злобу прежних и нынешних заключённых. Отчасти камерный запах напоминал общественный туалет, который давно не чистили. Сидельцы, а их было в камере четверо, с любопытством взирали на вновьприбывшего. Один из них, видимо, глухой, или просто не поняв, прохрипел:

— Чаво!

— Прописку, говорю, отмените! – пояснил Григорий. – Тут, в моём родном гнезде это ни к чему, но то ваше дело, братаны.

Здоровенный бугай, видимо старший в камере, тупо смотрел на вновьприбывшего. Он, вальяжно, по-хозяйски рассевшийся за обшарпанным камерным столом, держал в руке алюминиевую кружку, из которой редкими косынками шёл парок. Наконец, до него дошло и он хриплым голосом просипел:

— А ты что, здесь на свет появился? Погоняло своё объяви!

— Так Лялькой меня с детства дразнили! – пояснил Григорий, улыбаясь.

— Га-га-га! – взорвалась камера дружным хохотом.

— Заткнитесь, бакланы! – грубо приказал бугай. – Чаю выпьешь, Лялька? – просипел опять старший, но другим, более дружеским голосом.

Григорий понял, что для него это уже почти высший акт доверия. Он, под одобрительные взгляды сидельцев, деловито вытер свои башмаки об чистое полотенце возле порога и шагнул к столу. Вынув из кармана затасканной куртки плитку горького шоколада и положив её перед бугаём, сказал:

— От моей братвы и меня лично к вашему столу. Вертухаи не посмели отобрать.

— А что за братва у тебя, Лялька? – насторожился бугай.

— Так моя строительная бригада, я бугор у них.

Бугай налил из видавшего виды чайника горячего напитка во вторую кружку и вежливо пригласил Григория к столу.

— Я Филин! Присаживайся, братан, пей чай, да базарь нам про своё дело, тут все свои, подсадных уток не держим.

Григорий степенно уселся на скамью перед столом, хлебнул напитка.

— Да дело-то моё плёвое, пацаны! – заговорил он. – Олигархи, у которых я с братвой подрядился покалымить, с расчётами чего-то натемнили за тот экскаватор, что я перегнал от одного к другому. Меня за жабры, да и сюда. Это их бы обоих сюда надо, а оказался я крайним. Хозяин стройки, Грач, в столицу укатил, все дела временно на помощника возложил, а тот, или полный дурак, или шибко хитрожоный. Он, этот хлюст Никитин, то ли заломил непомерную цену за старую машину, то ли взял задаток, да и нагрел покупателя, чёрт их разберёт. Опять же, думаю, Грач у себя болванов держать не станет. Видать нахимичил чего-то в расчётах этот козёл, а я видишь ли вором оказался. Короче, на меня всё свалили...

Бугай в раздумье почесал затылок и высказался оптимистично:

— Хм, Грача знаю, он мужик ушлый, толковый и такого бардака не допустит. Приедет, разберётся, так что ты у нас в гостях, кумекаю, долго не засидишься.

— Да и я надежду имею, братаны, бригада моя работу на стройке остановила, а мне в общак надо подкинуть не менее трети от закалымленных грошей.

— Общак – дело святое, братан! – прохрипел бугай.

Про общак Лялин, естественно, солгал, да и бригады у него никакой не было, но обстоятельства складывались так, что и соврать не грех. Нужно же было показать сидельцам, что он о зеках заботу имеет; вес в среде сокамерников это прибавляет. Камерный пахан Филин одобрительно взглянул на нового сидельца, дружелюбно подлил горячего напитка в кружку Григория.

— А ты что, в сам деле на зоне родился? – полюбопытствовал он.

— Да, не, – это я так, для общего базара, – начал плести Лялин.

— А мне судья, – развеселился бугай, – десятку отсидки сунул и даже буркалами своими не моргнул, а я ему, мол, семь лет зачти, меня же на зоне мамка на свет произвела и я сразу за решёткой оказался. Получается, что я семь лет авансом отсидел. Га-га-га! Это уж потом меня на волю, да в детдом.

— А он что?

— Плевать ему на нас, таких вот. Говорит, всё по закону. А у тебя кто следак-то?

— Капитан Васильев.

— Во как! – поднял брови Филин. – Скользкий тип, даже не скользкий, а хуже, – склизкий. Базарит ласково, без мыла в душу норовит влезть, а дело ведёт так, чтобы засадить наверняка. У пацана, к примеру, всего и греха-то, что ведро картошки у какой-нибудь раззявы на базаре стибрил, а гад Васильев так дело ведёт будто этот придурок вагон золота угнал.

Филин ещё раз весело гоготнул, и, посуровев, слегка повернул голову на бычьей шее в сторону одного из сокамерников. Приказным тоном объявил:

— Эй, Малява, давай-ка Ляльке изобрази наш знак на клешню! Ну ты знаешь куда. Пацан он клёвый, нашему делу верный. С таким тавром ему везде будет почёт и уважение, зелёная улица на любой зоне.

Тощий на вид мужичонка торопливо спрыгнул с верхних нар, пошарился где-то под нижними нарами. В руках у него оказался плоский пузырёк с чёрной жидкостью, какая-то самодельная печать и кусок тряпки, явно оторванный от тюремного матраса.

— Протяни правую граблю, Лялька! – скомандовал он.

Григорий подчинился. Малява открыл пузырёк, пахнуло какой-то специфической вонью. Художник опытным движением намазал чёрную вязкую жидкость на всю площадь тыльной части запястья, тут же приложил восьмиугольную дощечку к руке и ударил по ней кулаком.

Григорий почувствовал боль от множества иголок впившихся в кожу. Малява печать снял, ещё раз размазал чернила и замотал руку нового сокамерника этой же тряпкой.

— После обеда смоешь вон под краном, – сипло прокаркал художник.

Вскоре привезли обед, после которого Григорий помыл саднящую руку. Краснота на коже ещё не исчезла, но рисунок выделялся чётко. Это был маленький стилизованный дракончик с разинутой зубастой пастью. Филин внимательно осмотрел работу камерного художника.

— Ну, вот, – одобрительно прогудел он, – теперь на тебя ни одна падла на зоне не посмеет гавкнуть, хайло своё поганое разинуть. А вообще, скорей всего, никакой зоны тебе не будет, Лялька. Грач тебя ещё до суда отсюда вынет, помяни моё слово...

Через трое суток Григория и в самом деле привезли к следователю, где тот с язвительной улыбочкой объявил ему, что дело закрыто за отсутствием состава преступления, и он может отправляться на все четыре стороны. Лялин, было, потребовал извинений, но его грубо послали ко всем чертям с их матерями. Григорий спорить не стал, памятуя о том, что в этой стране правды не добьёшься, и постарался поскорей убраться из здания городского отдела полиции.

Бесцельно шагая по утренней улице, где редкие прохожие спешили по своим делам, Лялин искал глазами скамейку. Хотелось присесть, подумать, что делать, куда и к кому теперь податься, домой вот так сразу тащиться не хотелось. Между двумя пятиэтажками притулился небольшой скверик, заросший разлапистыми клёнами и кустами сирени. Там Лялин, наконец, увидел желанное место отдохновения. Это была стандартная городская скамья, разрушить которую молодым балбесам было явно не под силу. Толстые деревянные бруски в таком солидном сооружении заправлены в литые чугунные борта и единственное, как могли поиздеваться недоросли над городским имуществом, – это вырезать на брусках надпись типа «Колька – козёл. Иванова – дура, а Валька – б...». Григорий тоскливо посмотрел на серые торцы пятиэтажек, на скамью, в голове пронеслась горькая мысль: «Стандартные панельные дома, стандартные скамейки, стандартная жизнь, тьфу...».

Подойдя ближе к одинокому на весь маленький сквер сидению, Лялин с недовольством обнаружил, что скамья занята каким-то спящим бомжем. Голова у спящего была прикрыта газетой, и не сносило её порывами слабого утреннего ветерка только потому, что один её угол был прижат плечом отдыхающего. На верхней части закруглённой спинки скамьи, в ожидании очередного прохожего, сидел голубь. Лялин, не долго думая, бесцеремонно скинул ноги спящего бомжа со скамьи на утоптанную, в семечковой шелухе, землю, присел и задумался. Голубь при этом не улетел, а всего лишь подвинулся от головы Лялина на два своих корпуса. Дворовая птица, с рождения привыкшая к людям, явно рассчитывала, что этот новый отдыхающий сейчас будет щёлкать семечки, глядишь и ей что-то перепадёт. Из задумчивости Лялина вывел голос проснувшегося бомжа:

— Вот те на, Григорий! Давно сидим?

Лялин повернул голову в сторону бомжа, и, кое-как, в заросшей многодневной рыжей щетиной физиономии, узнал знакомого ещё по заводу человека.

— Ты ли это, Олег Анатольевич?

— Узнал-таки! – протянул бомж. – Неужели богатым буду?

— Да тебя не так-то просто и узнать в одежде свинопаса. Да ещё и зарос волосьями почище лешего. Чего ты тут разлёгся-то, инженер Кручинин? Похоже бомжуешь. У тебя же квартира трёхкомнатная была, пропили что ли?

— Детям своим оставил, Гриша, – заговорил бомж, усаживаясь в вертикальное положение и откинувшись на спинку скамьи. – А из дома ушёл, потому что жена меня всего, вдоль и поперёк, испилила, а на работу никто не берёт, из возраста, видишь ли, вышел. Ты же знаешь, что после пятидесяти, по нынешним временам, хорошей работы не найдешь, даже и не про-

буй. Вообще-то я работаю, Гриша, сторожем на автостоянке, – это всё, что может предоставить таким как я наша страна. Вот после ночной смены прилёт тут.

— Ну, извини, Олег, – пробурчал Лялин. – Спал бы в сторожке, тут ведь всё равно не дадут.

— Да хозяин не разрешает, дома, говорит, отсыпайтесь, или в городской канализации.

— Парни говорили, Олег, – Лялин с любопытством взглянул на бывшего инженера, – что ты сейчас шибко верующим стал.

— Хожу в церковь, Гриша! Это верно, но там нас кормят обедами, да хоть пожаловаться на жизнь можно..., Богородице. А ты-то чего трезвый, откуда тебя черти несут?

Григорий, раскинув руки поверх спинки скамьи, уставился взором куда-то через клумбу с бело-розовыми петуниями в кусты сирени напротив. Голубь при этом движении торопливо отодвинулся на самый край спинки.

— Я, Олег, уж три недели как не пью! – равнодушно ответил он.

— Что, завязал на время?

— Совсем не пью.

— И не тянет?

— Абсолютно!

— Закодировался что ли?

— Одна городская ведьма от алкоголизма вылечила, Олег. Современная ведьма, красивая стерва, аж жуть. Я уж за эти три недели и наработался, и в тюрьме насиделся, жизнь бурная пошла...

К скамье с беседующими торопливым шагом подошёл парень в привычных потёртых джинсах, в чёрной ветровке, и, почему-то, в красной бейсболке. Головной убор и длинный нос делали парня похожим на дятла-красношапочника. Парень нетерпеливо взмахнул руками, спугнув голубя.

— Слушай, Лялин! – возопил он. – Где тебя черти носят? Я тебя по всему городу ищу. В полиции сказали, что ты домой ушёл, я туда смотался, а там ничего и не знают. Иди, давай к Грачу, он тебя требует немедленно!

В просторном холле первого этажа грачёвского дома за низким столиком в удобных креслицах сидели двое: хозяин, плотный пятидесятилетний мужчина в дорогом светло-сером костюме и его гость, Иван Петрович Пак. На столике красовался стандартный набор обычного гостевого угощения: тёмно-коричневая квадратная бутылка марочного коньяка с бокалами, удобно соседствовала с обязательными яблоками, краснобокими персиками и кистями янтарного винограда на серебряном блюде. От заходящего вечернего солнца за огромным окном витринного типа почти горизонтально протянулся жёлтый столб света, добавивший в натюрморт на столе богатейшее разноцветье оттенков.

— Мы с тобой оба строители, Иван, – рассуждал, вальяжно рассевшийся в кресле, хозяин дома, – но ты мне не конкурент и никогда им не был. А всё потому, что занимаешься мелочёвкой, строишь коттеджи по индивидуальным заказам. Мы с тобой знакомы и дружимся уже лет пятнадцать, если не больше. На солидное строительство ты никогда не замахивался.

— А зачем мне? – поддержал нить разговора гость. – На большое строительство и деньги нужны немалые, техника, люди.

— Может, это и хорошо, что у тебя аппетит слабый, Иван, а то бы я тебя сожрал, ха-ха-ха...

— У тебя, стало быть, аппетит сильный, Николай Иванович, – усмехнулся гость.

— Ещё бы! – хозяин плеснул в бокалы коньяка. – У меня же кроме строительства спальных микрорайонов, возводятся промышленные объекты, да прибавь сюда прокладку дорог, да заправки, да придорожные мотели по всей области. У меня, кроме всего этого, асфальтобе-

тонный завод, кирпичный, деревообрабатывающее производство, огромный парк строительной техники. Сам знаешь, приходится содержать большой штат механизаторов, экономистов, проектировщиков, строителей и разной прочей obsługi, вплоть до юристов.

— Вот потому квартиры-то и дорогие, — резюмировал Пак, — для многих клиентов цена жилья неподъёмна, Николай.

— На данный момент, Иван Петрович, я себестоимость жилья снизил на пять процентов. Сократил аппарат экономистов, юристов и бухгалтеров с двухсот человек до сотни. Охрану сократил тоже вдвое за счёт видеокамер.

— А нервотрёпка-то осталась на прежнем уровне, — опять снисходительно усмехнулся Пак. — Побереж бы здоровье-то, Николай Иванович!

— А чего его беречь, Иван? — слабо махнул рукой Грач. — Одна живём, так говорили старые люди.

Пак поднялся из кресла, подошёл к огромному, во всю стену, окну. Равнодушно осмотрев обширный двор, где стояло несколько роскошных автомобилей, он перевёл взгляд налево, там располагался парк с аккуратными липами, молодыми араукариями и мохнатыми пицундскими соснами. Оттуда донёсся угрожающий рык льва и противный крик павлинов. Повернувшись в сторону хозяина, Иван Петрович продолжил тему разговора:

— Роскошно живёшь, Николай! Ну, на кой тебе это зверьё? Да обслуга их, да корма надо много? А зимой куда ты их? А эти авто дорожные?

— Зверьё, говоришь? — улыбнулся хозяин. — Это мечта детства, Иван. Почему-то всегда хотелось иметь свой зоопарк. А зимой я их в крытый павильон перемещаю, там отопление. И автомобильный парк тоже в зимний гараж...

— Богатые люди на Западе по-другому живут! — продолжил Пак, садясь обратно в кресло. — Скромно, очень скромно. Завистников не хотят плодить, людей злить. А, может, ещё и потому, что скупые очень от рождения и воспитания. Вон миллиардер, банкир Абс, в Германии, до того докатился старик, что уволил своего шофёра, машину дорогую продал, стал ездить на общественном транспорте, да ещё просить на свой проезд мелочь у собственных сотрудников. Мало того, так и сыну своему приказал уволить шофёра и самому водить машину, да не какую-нибудь, а простенькую малолитражку «Фольксваген». Служащие в банкирском доме Абсов имеют вознаграждение за свой труд меньше чернорабочих на стройке, и ведь не увольняются.

— Ну, сравнил, Иван! — презрительно усмехнулся хозяин. — Мы, русские, люди, у нас души широкие, у нас просторы необъятные, мы и живём на широкую ногу. На Западе народу много, а земли мало, — вот они и воспитаны в скупости. Они за три процента прибыли не только руками — зубами держатся, а для нас десять процентов кажутся ничтожной прибылью, нам подавай все двести...

— Плохо это, Николай! — возразил собеседник. — Ты вот всех конкурентов со своей дороги убрал, а зря, соревноваться тебе не с кем, конкурентов нет. Если бы они у тебя были, вы бы бились за снижение себестоимости своего товара, а так ты монополист и цену за свою продукцию назначаешь произвольно. Квартиры-то у тебя почти никто не покупает, разоришься ведь скоро. Я уж не говорю про целую свору твоих врагов, которых ты разорил, пустил по миру. По лезвию ножа ведь ходишь, того и гляди прикончат тебя.

— Квартиры дорогие, — это верно, Иван, но меня выручают дороги, автозаправки, дорожные кафе и мотели, промышленное строительство и прокладка коммуникаций. А врагов я не боюсь, чихал я на них.

— Зачем тебе столько денег, купаешься ведь в них, как американский мультиперсонаж Скрудж Мак Даг.

— Да не ради денег я работаю, нервы рву, Иван! — воскликнул хозяин и по-плебейски опрокинул порцию коньяка в рот. — Плевать мне на них, на деньги эти!

— Ради чего тогда? – наивно спросил Иван Петрович, прикинувшись дурачком.

— Деньги – это инструмент, Иван! – назидательно заговорил Грач. – Власть над людьми, господин Пак, – вот истинное мерило успеха в жизни. Администрация города передо мной на цирлах ходит, заискивает всячески, банкиры улыбаются, не знают как угодить.

— Улыбаются, а сами ненавидят тебя. Стоит чуть споткнуться, они же затопчут тебя, Николай.

— Знаю, что ненавидят, – хозяин твёрдо посмотрел в глаза собеседнику, – тем приятнее их за горло держать, Иван. Когда я начинал своё дело, они на меня свысока смотрели, презирали. Кто я тогда был для них, так – шмакодавка, инфузория, пустое место. Тогда я с протянутой рукой по кабинетам ходил. Просил, убеждал, а они, посмеиваясь, отказывали. Теперь вот пусть штаны на коленках протирают, передо мной ползая...

— Конец у тебя один! Убьют тебя, Николай! – убеждённо заявил Пак.

— Ха-ха-ха! – от души рассмеялся олигарх. – Так это и хорошо, Иван. Мне такой конец нравится. Зато быстро и без мучений. А почему ты решил, что меня обязательно пристрелят?

— Так с надоевшими олигархами в России так и поступают.

— Не посмеют, Иван! – убеждённо заявил хозяин дома. – Шавки они!

— Вот шавки и выступают в качестве заказчиков, а киллеры найдутся. Твой дом могут штурмом взять, бригаду целую наймут за хорошие деньги.

— Да у меня, парень, дом напичкан оружием, вплоть до тяжёлых пулемётов и гранатомётов. Погибну, так хоть с музыкой.

Грач явно блефовал, никаких гранатомётов у него не было, но, армейский пулемёт, нелегальный, всё же имелся. Из разрешённого и зарегистрированного в полиции оружия был карабин с оптикой и десантные автоматы для охранников.

— Именно в таком случае, Николай, тебе надо уметь чётко перейти в соседнюю вселенную, в прошлое, – на полном серьёзе произнёс Иван Петрович.

— Ишь ты, какой шутник!

— Да нет, я серьёзно!

— Ну подскажи, подскажи, если настоящий друг!

— Историю, хотя бы в какой-то степени знаешь?

— В юности, Иван, – хозяин откинулся на спинку кресла и мечтательно посмотрел куда-то в противоположную стену, – я сильно увлекался Ранним Средневековьем и закономерным концом Великого Рима. Бурные были времена, я тебе скажу. Будучи студентом университета изучал даже латынь, древнегерманский и греческий языки. И ведь хорошо освоил, так, для себя...

— Это очень даже хорошо! Ну, так вот, Николай, – Иван Петрович подался вперёд, – в момент своей неожиданной гибели, если таковая случится, чётко представь себе картину ТОГО ВРЕМЕНИ, – там и окажешься.

— Ничего не получится, я раздвоюсь, Иван.

— Почему?

— Я жену свою, Лидку-Паулину, люблю, – с нежностью сказал Грач и тут же как-то загадочно добавил, – она гораздо, в десятки раз, лучше наших капризных земных дур.

— Это дело поправимое, – глядя в упор на собеседника заявил Иван Петрович, не обратив внимания на последнюю фразу друга. – В момент перехода пусть она будет рядом, ты её обними при последнем вздохе, но в мыслях будь в изученной тобою эпохе.

— Сказки всё это! – небрежно бросил хозяин дома, наливая в бокалы вино.

— Ну, почему же? – возразил Иван Петрович. – Люди вот привыкли жить в границах познанного, а есть ведь мир непознанного и объём его гигантский. Учти, Коля, познание мира, – это процесс бесконечный. Человечество за последние два столетия открыло сорок констант и успокоилось, а сколько их ещё, неоткрытых. Убери хотя бы одну константу и мир

рухнет, произойдёт эффект домино. Люди сейчас используют простые виды энергий и наивно считают, что других энергий в мире не может быть, а они есть. Люди не умеют использовать гравитационную энергию, или, например энергию фотонов света, да что говорить, если электромагнитная энергия используется людьми лишь частично. Человечество ведёт себя на этой планете варварски, так, как будто у него есть ещё две запасных. При таком небрежном и грабительском отношении к природе, в настоящее время, люди сами уничтожат жизнь на планете к концу этого века, Николай. Но надо сказать, что Земля сопротивляется. Погоди вот, или очередной потоп приключится и планета смоет людишек как тараканов, или всемирную пандемию нашлёт. Да, вообще-то, короновирус уже свирепствует на планете. Хотя, я бы сказал, что пандемия у людей в головах, особенно у западных элит, которые изолгались, пудря людям мозги глупыми пропагандами, что вот на них, якобы, обязательно кто-то нападёт, Россия, естественно. Запад ненавидит Россию уже много веков за её независимый нрав и благородство.

Грач к совету друга отнёсся небрежно, почти не обратив внимания, но, где-то в подсознании слова его, о странном методе перехода в другой мир, закрепились.

— У меня много знакомых, Иван, — медленно заговорил Грач, подбирая нужные слова, — но друзей почти нет. Я, пожалуй, дружу только с тобой, потому что ты человек интересный, с тобой не соскучишься. Я к тебе прикипел душой, ты для меня стал самым близким человеком... после Паулины, конечно. Я после редких встреч с тобой на мир гляжу другими глазами. Почему вот ты решил, что человечество закончит своё существование уже к концу этого века, а, например, не следующего? Понимаю, что мировые элиты изолгались, понимаю, что разграбление планеты идёт чудовищными темпами, но загубить Землю уже к концу этого века, — это уж перебор, как-то совсем скоро...

— А чего удивляться, Николай? — подался слегка к собеседнику Пак. — В древние времена людей было мало, масштабных войн почти не было, так, мелкие стычки, территории-то огромные, племена друг с другом почти не соприкасались. Двести-триста вооружённых мужчин уже считалось армией. А сейчас населения на планете чересчур много, пресной воды и то не хватает, начнутся войны за воду, а при нынешнем мощном оружии..., сам понимаешь... Земля уже истощена, ежегодно исчезают десятки видов животных, ареал их жизненного пространства неуклонно сокращается. Люди не понимают, что зависят от природы на все сто процентов. Мозги у них плохо работают, сознание слабое, хотя человек существо сложное — вот в ядре клетки длина цепи ДНК около метра, а клеток в организме квадрильоны, если составить все цепи в одну линию, то протянется эта цепь от Земли до солнца, да ещё семнадцать раз туда и обратно. Представляешь — сто пятьдесят миллионов километров туда и обратно..., семнадцать раз! А, если взять цепи ДНК со всего человечества сегодня, то светило наше можно опутать так, что его и не видно будет...

— И откуда только ты почерпнул такие познания, Иван? — удивился хозяин дома.

— Ну, у меня же университетское образование, кроме спецпредмета нам преподавали множество других дисциплин, а потом у меня сын молекулярный биолог.

— Может, одумаются люди? — как-то неуверенно произнёс Грач, пытливо посмотрев на Пака.

— Про конец света люди ведь не зря говорят, — уверенно продолжил Иван Петрович. — Человечество всё равно погибнет, не выдержит очередного оледенения.

— Как это? — выпучил глаза Грач. — Чего ты негатив-то гонишь, Иван? Были же в прошлом оледенения, но древние люди выжили.

— Оледенения всякие бывают: большие и малые.

— Отчего они происходят?

— Ну, здесь сказывается влияние Юпитера, Николай. Гравитационное поле его в определённое время усиливается, помогает Сатурн, когда две гигантские планеты выстраиваются

в одну линию по отношению к Земле. Орбита нашей планеты вытягивается, Земля отходит от солнца несколько дальше – наступает оледенение...

В гостиную тихо вошла молодая женщина с подносом в руках. Одета она была в полупрозрачное сари оранжевого цвета, на голове сложная причёска из чёрных волос. Идеальная фигура с тонкой талией, лицо самых лучших красавиц Индии. По классике она должна была быть босиком, но Иван Петрович увидел на ногах красавицы туфли-плетёнки на каблуке-рюмке и на лбу не было такого привычного, буддийского красно-оранжевого пятна. Девушка подошла к мужчинам, поклонилась и поставила на стол поднос, на котором лежал, разрезанный на ровные конусовидные кусочки, только что испеченный пирог с какой-то начинкой.

— Спасибо Паулина! – сказал хозяин дома, нежно взглянув на девушку.

Иван Петрович встал и галантно приложился к ухоженной ручке хозяйки. Девушка приятно улыбнулась гостю, повернулась и изящной походкой вышла из гостиной.

— Прошлый раз она у тебя была в национальном костюме болгарки, – смущённо буркнул Иван Петрович, усаживаясь обратно в кресло. – Да и называл ты её как-то по-другому.

— Ну, так она меняет образы, Иван! – Грач самодовольно улыбнулся. – У неё это здорово получается. Давай вот пирог пробовать, она всё умеет, любая национальная кухня ей по плечу.

— Жена у тебя, Николай, – заговорил Пак, – выше всяческих похвал, но моя Тутта лучше, потому что кроме женской красоты обладает силой и ловкостью воина.

— Хе! – покровительственно усмехнулся Грач. – Ничего-то ты не знаешь, брат. Может, это и хорошо, что не знаешь. Один из моих охранников в прошлом году решил с дуру поиграться с Паулиной, потрогал её за попку, так она ему молниеносно голову снесла голой ладонью. Пришлось срочно парня закопать, в полицию, естественно, не сообщали. Теперь охранники в доме сторонятся хозяйки, и, если она о чём-нибудь попросит, так её пожелания бегом исполняют. Ха-ха-ха!

— Прямо так уж и снесла? – недоверчиво проворчал Пак.

— Ну, шейные позвонки были мгновенно сломаны, сонные артерии порваны, – пояснил Грач, нахмурившись.

— В древние времена, Николай Иванович, ты бы князем был, – заметил, меняя тему, гость. – Организатор ты талантливый, да и нервы крепкие. В древности боги помогали людям, да и жили иногда среди них. Правда мутантов понаделали превеликое множество, ну, это по необходимости, они испытывали различные формы жизни на нашей планете, экспериментировали.

— Говоришь ты, Иван, словно жил там, в древних временах, – обронил Грач, пробуя пирог.

— Может, и жил, – как-то вскользь сказал Иван Петрович, беря дольку пирога.

— Ишь ты, – смакуя еду, – заметил Грач. – фантазёр, – это сколько же тогда тебе лет?

— Шестьдесят восемь, а что?

— Чтоб мне подавиться куском этого пирога, Иван, но больше тридцати лет я бы тебе не дал, а жена у тебя вообще студенткой выглядит. Выходит ты старше меня на пятнадцать лет и жизнь твоя приближается к концу.

— Моя жизнь, Николай, – снисходительно усмехнулся Иван Петрович, – только начинается, она в самом начале длинного жизненного цикла. По общечеловеческим меркам мне сейчас где-то около семнадцати лет.

— Ты что, Иван, двести лет себе намерял? – развеселился Грач.

— Бери в пять раз больше, Коля! – на полном серьёзе заявил Пак.

— Не пугай меня, Иван, – насторожённо заметил Грач. – Это невозможно, столько не живут люди.

— Ну, почему же? – нахмурился Иван Петрович. – А библейские пророки? Древние люди жили долго. Знай, у нас с Туттой геном несколько отличается от генома современных людей. Мы с женой родились полтора миллиона лет назад.

По облику хозяина дома было видно, что он не принимает такого объяснения, ладно хоть не крутит пальцем у виска.

— Я знаю тебя, Иван, где-то около двадцати лет, – медленно заговорил Грач. – Ты всегда виделся мне человеком степенным, разумным, хорошим специалистом в своём деле, но видно и у тебя бывают заскоки в голове. Полечиться тебе надо, устал ты, пожалуй, с головой у тебя неладно.

— Ты же сам настаивал на откровенности, Коля, – мягко заметил Пак.

В проёме стеклянных дверей гостиной показался охранник и доложил, что пришёл некто Лялин.

— Ну, пусть войдёт сюда, Андрей! – небрежно бросил Грач охраннику, вытирая губы бумажной салфеткой.

В гостиную несмело вошёл Лялин, поздоровался и застыл возле дверного проёма.

— Проходи к столу, Григорий! – демократично пригласил хозяин дома. – Садись вот в кресло, выпей с нами, закуси. Насиделся в тюрьме-то?

Лялин повторного приглашения ждать не стал, уже более уверенно уселся за стол и принялся за пирог, проигнорировав предложенную выпивку.

— Тыфу, ты! – развеселился Грач, обращаясь к Ивану Петровичу. – Я и забыл, что он с алкоголем-то завязал, а тут ещё в тюрьму попал.

— Да я и был-то там всего несколько дней! – подал голос Лялин.

— В наших тюремных заведениях и одни сутки пробудешь, так мало не покажется, – назидательно промолвил Грач. – Ну, твоего обидчика я уволил, Лялин, так что справедливость восторжествовала. Работай спокойно. Вон к Ивану Петровичу иди, он давно уж помощника себе присматривает. Стройки у него мелкие, зато проекты фантастические, а ты всё-таки инженер, да и строительными специальностями владеешь, халтуру не пропустишь.

— Да я и не против! – не раздумывая, согласился Лялин, кое-как прожевавшись.

— Ну, вот и хорошо! – одобрительно бросил Грач. – В качестве компенсации за причинённое беспокойство, Григорий, возьмишь вон во дворе «Тойоту». Я её конфисковал у этого идиота Никитина.

Лялин такого предложения от Грача не ожидал, как-то сразу съёжился в своём кресле, оторопело уставился на олигарха, но тут же решительно воспротивился:

— Спасибо, Николай Иванович, но я уж обойдусь как-нибудь.

— Чего это ты заартачился? – удивлённо поднял брови Грач.

— Не хочу, чтобы этот гад Никитин мне мстил! – пояснил Лялин.

— Да я его, – угрожающе выпрямил грудь хозяин дома, – даже, если косо посмотрит в твою сторону, живым в гроб законопачу, в пыль сотру!

— Да пусть на моей ездит, Николай, – подал голос Пак. – У меня добрая, надёжная машина, движок новый недавно поставил.

Хозяин дома сердито и попеременно посмотрел на гостей, заговорил несколько обидчивым тоном:

— Вот же люди! Хочешь добро сделать, так ведь ещё кочевряжатся...

Глава 4. ЖЕНЩИНА СТРОИТ ДОМ

В городе, кроме мелких магазинчиков и крупных бутиков, был хороший рынок, и даже не один. Многие городские хозяйки по утрам спешили туда, потому что и сельскохозяйственный товар был там посвежее, и поторговаться можно, получить скидку, довольно существенную, в отличие от больших торговых центров, где цена на тот же товар, несмотря на большой выбор, была фиксированной.

Наступила последняя десятидневка июля и на рынке появилась свежая огородная продукция, выращенная местными садоводами. Зелень, в виде перьевого лука, петрушки и укропа была там и раньше, с самой весны, а вот первые зрелые помидоры подошли только сейчас. Городские хозяйки, не без оснований, считали, что здешние помидоры, да и другая продукция местных огородников, экологически чистая, не то, что в бутиках, привезённая из стран, где с помощью химии быстро растили незнамо что, но красивое с виду и похожее на овощи и те же фрукты, напичканные консервантами. Лежала такая продукция на развалах в бутиках долго и подозрительно не портилась, словно это была искусственная витринная бутафория.

Чистым солнечным утром Эдисон Донован, местный фермер, на «газели» привёз на рынок с десятков ящиков ранних помидор, выращенных в своём тепличном хозяйстве. Красиво и аппетитно разложил свой товар на прилавке. Красные и пузатые помидоры, поблескивая кожицей, словно их специально чем-то отлакировали, сразу привлекли внимание редких ещё покупателей. Торговля пошла бодро, а тут черти принесли с подобным же товаром соседа Донована, некоего Фёдора Тряпицына, который, увидев конкурента, недовольно покрутил носом.

— Эй, американец! – заговорил сосед полшутя, полусерьёзно. – Чего это ты на моё место устроился?

— Я не американец, а русский, сколько можно тебе говорить, Фёдор! – отпаривал Донован. – Я родился в России, у меня мать русская, а отец российский подданный. А место мне отвёл директор рынка, я, как положено, базарный сбор уплатил. Располагайся вон рядом, места хватит.

— Ага, рядом! – проворчал сосед. – При одинаковой цене твои помидорчики лучше будут брать, а мои нет.

— А ты слегка цену-то сбавь, – вот и у тебя будут брать, – поучал Донован.

— Русский, говоришь, а имя-то, Эдисон, куда денешь? – разошёлся говорливый сосед, устраиваясь со своим товаром рядом. – Назвали хотя бы тебя Мишкой или Васькой, ну Эдиком, наконец.

— Да отец назвал, а мать, Валентина, не против была! – пояснял Донован, протирая ровные и красивые с виду плоды чистой белой тряпочкой. – Меня знакомые и так часто то Денисом зовут, то Эдиком кличут...

К развалу с красным и привлекательным товаром Донована подошла симпатичная молодая женщина в дорогом летне-тонком костюме. Левой рукой она начала щупать плоды, в правой же, женщина держала полупрозрачную полиэтиленовую сумку, а лучше сказать пакет, в котором были пучки зелёного лука, петрушки и укропа, а ещё там лежала пластиковая бутылка с молоком. В этой же руке был зажат двухметровый поводок, который удерживал небольшую гладкошёрстную собачку породы такса. Видимо колпачок на бутылке с молоком был неплотно прикручен и содержимое из бутылки просачивалось в пакет, в котором, в свою очередь, где-то в углу, тоже была маленькая щель. С угла пакета молоко капало на утоптанную землю, а пёсик, хитро поглядывая на прохожих умными глазками, ловил эти капли розовым языком, не давая пропадать добру. Женщина купила пяток помидор и повернулась уходить, но почти лицом к лицу встретилась со знакомой.

— Здравствуйте, Тутта Феофановна! – подобострастно запела женщина.

— Будь здорова, Света! – приветливо ответила та. – Борщ собралась варить?

— Да вот, по Вашему совету, мужа буду ублажать обедом собственного приготовления. Вы же сами говорили, что пища для мужчины из рук любимой женщины всегда вкуснее ресторанной.

— Ну, правильно! Я вот тоже сюда, зелени взять. Отойдём-ка в сторонку.

Женщины отошли от овощных прилавков.

— Мне Олег, муж твой, Света, на приёме жаловался на своё одиночество, но про тебя каким-либо худым словом даже и не подумал обмолвиться. Причину его хандры я поняла сразу, в голове у него пошарилась, по сути нарушила этику врача, но иногда сделать это заставляет крайняя необходимость. Триггером, важнейшей причиной в подобных случаях всегда являются семейные неурядицы. Девушки раннего рыночного периода в России, насмотревшись голливудских фильмов, и, вообразив себе, что вот только так и нужно жить, стараются выйти замуж обязательно за богатого. Большинство из них не понимает, что без любви семейная жизнь у них перспектив не имеет. Те же, кто понимает, родив ребёнка, разводятся, оттяпав по суду у мужа-олигарха две трети его состояния, значительно пополнив тем самым ряды паразитов в стране.

— Тутта Феофановна! – со стоном возразила Светлана. – У нас с Ильиным нет ребёнка, но я и не собираюсь уходить из семьи. Замуж я вышла по любви.

— Это пока не собираешься, милая, но уже держишь в голове такой вариант развития событий, – мягко произнесла Тутта. – Игру гормонов ты приняла за любовное чувство, когда выходила замуж. Многие девушки обманываются подобным образом, я уже говорила тебе об этом.

— Я стараюсь следовать Вашим советам, – пролепетала Светлана.

— Мало стараться, нужно проникнуться. Прежде всего брось посещать разнообразные богемные тусовки, изображать из себя светскую львицу, таскаться по ночным клубам, бездумно тратить деньги, заработанные мужем, на всякую ерунду. Коли, говоришь, вышла замуж по любви, так знай – огонь любви в семейном костре нужно постоянно подкармливать, и именно женщине.

— Ну, как ещё-то, Тутта Феофановна? – с надрывом в голосе заныла Светлана, дёрнув при этом поводок с пёсиком, который осуждающе посмотрел на хозяйку и опять принялся деловито ловить капли молока из пакета.

— Постоянной заботой о муже и детях! – принялась объяснять Тутта своей бестолковой собеседнице. – Это же прописные истины. В древние времена девушку выдавали замуж, не интересуясь её чувствами. Часто за совершенно незнакомого ей человека. Но тогда были очень строгие нравы, жёсткие обычаи. Игру гормонов тоже принимали за любовь. Это и была любовь, но, скорей, чувственная, не духовная, а надо, чтобы физически-чувственное слилось с духовным и выступало по жизни в крепком единстве. Девушка древнего времени, следуя устоявшимся жизненно-бытовым традициям, всю свою нерастраченную любовь вкладывала в заботу о семейном очаге. Учти, Света, в семье именно ЖЕНЩИНА СТРОИТ ДОМ. Я понятно говорю?

— Да, да! – быстро согласилась Светлана. – Более чем!

Июльское солнце поднялось выше, и небосвод на глазах из синего становился бледным, выцветшим. Влажноватое из-за тумана утро постепенно уступало место сухому дневному зною. Покупателей на рынке значительно прибавилось и Тутте со Светланой Ильиной стало уже тесно, а кроме того нарушалась полутораметровая дистанция, принятая во всём мире при наступившей пандемии коронавируса.

Женщины вышли с территории рынка на прилегающую аллею с липами и скамейками вдоль заасфальтированной недавно пешеходной дорожки, от которой шёл лёгкий запах гудрона и креозота. Не сговариваясь, обе женщины уселись на свободную скамью, укрывшись в

тени деревьев. Пёсик Светланы улёгся возле ног хозяйки, а вездесущие воробьи из кроны липы тут же перелетели на землю ближе к людям в надежде получить какое-нибудь угощение. Мало того, к воробьям присоединился ещё и голубь, он тоже медленно прохаживался рядом, поглядывая на людей в ожидании бесплатной подачки в виде подсолнуховых семечек.

— Тутта Феофановна! – заговорила Светлана, осторожно заглядывая в глаза собеседнице, – можно мне задать Вам чисто женский вопрос?

— Мне можно задать любой вопрос, Света! – отчеканила Тутта.

— Вы смотрите как молоденькая девушка лет семнадцати, высокая и стройная, – смущённо начала не совсем удобный разговор Светлана, – а разговариваете со мной как умудрённая долгой жизнью дама. У Вас уже и сын университет закончил. Скажите, как Вы сохранились и как мне сохранить свою внешность, ведь мне уже двадцать четыре года?

Хе, – снисходительно улыбнулась Тутта, – рецепт простой, для этого, Светочка: надо, по возможности, много двигаться, работать, заниматься спортом, даже на профессиональной основе; вообще надо намеренно создавать себе постоянные физические нагрузки. Ты вот не спи до обеда, не сиди по-полдня в салонах красоты, а каждый день по утрам делай пробежки, дом свой содержи в порядке: сама мой полы, протирай пыль, ухаживай за комнатными растениями, бельё стирай, разнообразные обеды мужу вари. От домработницы-то избавься, сама всё делай, – вот и будет твоему организму благо, и фигуре, соответственно.

— Да у нас же коттедж, восемь комнат, не считая коридоров, лестничных маршей и огромной кухни! – округлила и без того большие глаза Светлана.

— Вот и хорошо! – воскликнула Тутта. – А вообще у тебя же музыкальное образование, ты же пианистка, так иди музыкальным работником в детский сад. Работать надо, – вот молодость и свежесть лица будет сохраняться неопределённо долго. Само собой, за лицом и телом своим следить нужно постоянно, изо дня в день.

— Ничего не получится, Тутта Феофановна! – решительно заявила Светлана. – Я детей, уж простите, не люблю, не привыкла к ним, какой уж там детский сад.

— Это издержки воспитания, Света, – мягко возразила Тутта. – Ты росла одна в семье, тебя не окружали меньшие братья и сёстры, тебя не нагружали работой по дому, – вот и результат. В старину девочки, росшие в больших семьях, с рождения приучались к работе по дому и заботе о меньших родственниках, а ещё они брали пример со своей матери, – это и определяло их дальнейшую жизнь уже в своей семье. Учти, одна из общечеловеческих ценностей, пожалуй, самая важная, – это семья. Западный мир вон пытается избавиться от этой, наработанной тысячелетиями, традиционной семейной ценности на государственном уровне, законодательно поощряет однополые семьи. Но что ещё противнее – церковь там освящает такие уродливые браки. Ну что ж, у каждого народа свой выбор – пусть исчезают из этого мира.

— Как же мне быть, Тутта Феофановна? – уныло спросила Светлана. – Я не могу себя переломить.

— Ну, давай я сделаю тебе установку на заботу о доме, о муже, о детях? – участливо предложила Тутта. – Хочешь?

Энергия желания преобразиться продралась через какие-то непонятные девушке внутренние эгоистические преграды.

— Хочу! – вырвалось у Светланы.

— Хорошо! Посмотри мне в глаза с твёрдым желанием преобразиться.

Девушка уставилась в бездонные глаза Тутты, утонула там, и, вдруг, почувствовала какой-то странный приток латентной энергии в голову. Длилось такое состояние, может, несколько секунд, а, может, и минут, неизвестно, но когда глаза психотерапевта угасли, Светлана устало прикрылась веками. Послышался голос Тутты:

— Теперь тебя ни на какие богемные тусовки и ночные клубы не потянет, ты будешь считать их просто глупостью, милая девочка. Кстати, Света, очень древнее имя, оно было у

светловолосых девушек задолго до новой эры, но древние люди вкладывали в это имя другой смысл.

— Какой ещё?

— Свет души, милая!

На задах большой усадьбы, за домом и приусадебным участком, у Ивана Петровича располагался хозяйственный двор, где под широким навесом из металлопластика, огороженном тремя мощными кирпичными стенами, стояла строительная техника. Рядом находился домик конторы, где обычно собирались временно нанятые рабочие строительных специальностей, велась документация и расчёты. Здесь же, через перегородку, была комната отдыха на четыре человека, где можно было вечером посмотреть по телевизору новости, помыться и выспаться.

— Вот смотри, Григорий! – Пак кивнул Лялину на строительную технику. – Здесь малый экскаватор, автокран и самосвал. Я приобрёл эту технику, как ты понимаешь, чтобы не платить за аренду, так дешевле выходит. Заказчики бывают всякие: одному только котлован под дом нужен, – без хорошего погреба он дома не представляет, а другому, кроме котлована под дом и погреб, ещё подавай плавательный бассейн. Бассейн, естественно, закрытый, с зимним садом, хорошо освещённый, значит что? Правильно, нужно рыть большой котлован ещё и под него!

— Моя-то какая задача?

— А вот сейчас приедет очередной заказчик, – продолжил наставлять Иван Петрович, – он уже звонил, я тебя с ним познакомлю. Заказчик женщина, так что будь осторожен, умеи разговаривать. Женщины люди капризные, постарайся понравиться, проекты наши расхваливай. Она выберет проект, который ей понравится, перечислит аванс, – вот и начинай стройку на указанном заказчиком участке.

— Вот с женщинами-то, Иван Петрович, я не умею обходиться, – как-то неловко заговорил Лялин. – В школе, в институте этому искусству не обучали.

— Учись по ходу дела, Григорий! – Пак с улыбкой посмотрел на поскучевшего Лялина. – Будешь тут прорабом, наймёшь работяг, сколько нужно будет. Тебе хватит троих, может, четверых: механизатора, с опытом работ на экскаваторе и автокране, каменщика-монтажника и плотника. Железобетонные изделия и бетон будешь заказывать у Грача на его заводе. Стеклоблоки, отделочную плитку и деревянные детали тоже у него. С деньгами поосторожней, сам понимаешь, мошенников кругом, что блох на шелудивой собаке, так и норовят всучить какое-нибудь дерьмо. Тридцать процентов дохода перечислишь на мой счёт, остальное твоё, но не забудь уплатить налоги, сам знаешь с налоговой инспекцией шутки плохи. Рабочим я обычно платил среднемесячную по России, – это очень хорошая заработная плата, но ты уж сам с ними договаривайся, главное, премиальные выдай им только по окончании работ, за качество и соблюдение сроков. Пропиши эти условия в договоре, да людей подбирай с умом. Одним словом хозяйствуй, ты же инженер, разворачивайся в своё удовольствие. Всё понял?

— Да понял, понял! А Вы надолго уезжаете, Иван Петрович? Я уж не спрашиваю куда? – поинтересовался Лялин.

Пак посмотрел в синее небо на быстро бегущие серо-белые барашки летних облаков, перевёл взгляд на Григория.

— Дней на десять, может, на месяц, а, может, – Иван Петрович вскинул брови, – и на полгода. Археологическая экспедиция, Григорий, кто знает, всё будет зависеть от обстоятельств.

— Что, и Тутта Феофановна едет?

— Ну, а куда же я без неё? – улыбнулся Иван Петрович. – Она у нас главный специалист. Смотри, Григорий, дом свой тоже на тебя оставляю, собаку, пса Сака, не забывай покормить. Если нужно, сторожа найми.

— А когда едете-то?

— Да не завтра, не завтра! – успокоил Лялина Пак. – Мы ещё неделю-две тут пробудем, а постоялец Дедов, что у нас живёт, так вообще будет здесь до осени. Учти, я в твои строительные дела вмешиваться не буду, считай, что экзамен сдаёшь, напрягай мозги-то, парень. Ну, в крайнем случае, пока я тут, обращайся, а без меня советуйся с Николаем Ивановичем Грачом. Он мой друг и худа не посоветует.

Перед отъездом из родительского дома у Давида произошёл с матерью довольно трудный разговор. Тутта с сыном сидели на летней веранде, плотно увитой с боковой стороны лианами клематиса. Большие голубые цветы его местами пролезли сквозь редкую решётку стенки и на общей зелени листы смотрелись яркими контрастными звёздами. Фронтальная часть веранды не была заслонена плодовыми и декоративными деревьями, и из неё открывался великолепный ландшафт на заросшую густым лесом цепь горных шишек, напоминавший своим видом спину древнего динозавра, прилёгшего отдохнуть в летний полдень в прохладной лесной чаще. Из сада на веранду мягко и ненавязчиво проникал нежный аромат цветущего жасмина и гортензий.

— Не надоело ещё алкашей лечить, наркоманов там разных, мать моя? – буркнул Давид, подливая себе горячего чая в кружку.

— Дело нужное, сын, – ответила Тутта, зная уже, что Давид хотел сказать совсем другое. – А наркоманы ко мне не обращаются.

— Правильно! – продолжал бурчать сын. – Зачем им обращаться, коли, они убеждены, что их виртуальный мир гораздо лучше этого, вербального, грязного и несправедливого. Лучше бы ты лечила несчастных влюблённых, у которых отношения не складываются.

— Влюблённых-то зачем лечить, Давид? Любовь к противоположному полу, – это проверка глубины чувств. Пусть переживают, полезно же для эмоциональной стороны психики.

— Мама, вы почему с отцом всё ещё не привились от короны? – выговорил, выдавил, наконец, из себя Давид Тутте, прихлёбывая травяной чай из богато украшенной геометрическим орнаментом берестяной кружки.

— Нам это не нужно, сын, – успокоительно проворковала Тутта.

Давида такое сообщение матери насторожило. Где-то в селезёнке зародилось глухое недовольство, стало расти и медленно подниматься выше.

— Да что же это такое? – возмутился Давид. – По телевидению беспрестанно, изо дня в день, талдычат о необходимости вакцинации, коллективный иммунитет край нужен в стране и в мире, а родители микробиолога, специалиста как раз в области вирусологии, не только не привиты, но даже и не помышляют об этом.

Тутта ласково положила ладонь на сгиб локтя сына, слегка погладила.

— Ну что ты сердишься, сынок? – Тутта мягко взглянула на Давида. – Ну, ни к чему нам с отцом прививаться. На прививочном пункте только зря время у людей отнимать будем, да вакцину зря переводить.

Давид слегка опешил и вопросительно уставился на мать.

— Я буду очень плохой учёный, – с упрямством заговорил он. – если не докопаюсь до истины, до самых корней. Ты можешь толком объяснить, почему вы с отцом не хотите прививаться? Неужто наслушались всяких глупостей, якобы, после прививок становятся мутантами, геном изменяется и так далее. Высшее образование имеете, а ведёте себя как необразованные дикари из таёжных дебрей. Тьфу, противно даже слушать ваши отговорки.

Тутта медленно выпрямилась, повернув голову в сторону открытого проёма веранды, посмотрела куда-то вдаль, на голубоватую горную цепь.

— Иногда я завидую людям без определённого места жительства, – задумчиво заговорила она. – Они никому не обязаны, ни перед кем не отчитываются, им ничего не нужно. Они словно птицы, голуби, у которых одна забота, чем бы набить свой желудок. У птиц хотя бы

инстинкт размножения имеется, а у бомжей даже позывы к размножению отсутствуют. Живут среди людей и не зависят от них.

— К чему ты клонишь, мама? – проворчал Давид. – Обезьяны вон в Индии тоже живут среди людей, воруют и тащат у туристов всё, что понравится, а не дай, так драться начинают. Ты, мама, не увливай, не уходи от вопроса. Я жду откровенного объяснения.

Тутта внимательно и как-то опасливо посмотрела на Давида. В глазах её промелькнула тень страха, а ведь до этого тяжёлого разговора она такого чувства, можно сказать, и не испытывала.

— Не хотела я тебе говорить, – начала она, – ой, не хотела, видят боги, да видно придётся.

— Что-то ты, мать моя, издалека начинаешь? – насторожился Давид. – Тайна, что ли семейная, великая?

— Хуже, сын! Лучше бы тебе и не знать ничего семейного, для тебя же лучше. Может не будем ворошить? – со слабой надеждой на что-то спросила Тутта.

— Да что ворошить-то? – нетерпеливо повысил голос Давид. – Говори уж, всё стерплю!

— Ну, хорошо! – сдалась Тутта. – Уж кто, кто, но ты-то знаешь, что такое эволюционный процесс. Смотри, что получается: к концу девятнадцатого века на Земле проживало где-то чуть больше миллиарда человек. Рост численности населения в мире сдерживали инфекционные болезни, войны и голод, но вот за двадцатый век, несмотря на две мировые опустошительные войны, прирост населения в мире, вдруг, составил более четырёх с половиной миллиардов человек. Какой-то демографический скачок произошёл. Массовые заболевания ведь никуда не исчезли, просто медики на некоторые болезни надели вакцинную узду, но войны приобрели ещё более уничтожительно-садистский характер, да и голод никуда не пропал. Почему же такой взрыв рождаемости? Сейчас двадцать первый век и в мире уже семь миллиардов человек. Это работает эволюция. Боги забавляются, экспериментируют...

— Опять ты тень на плетень наводишь, мать моя!

— По расчётам, – невозмутимо продолжила Тутта, – к концу двадцать первого века население планеты утроится, а двадцать миллиардов Земле не выдержать – вот отсюда и пандемии. Погоди, то ли ещё будет.

— К чему ты клонишь, мама?

— А к тому, сын мой, что люди размножаются быстро, человечество растёт как на дрожжах, а общий интеллект снижается. Ведь человек по-настоящему, в полную силу, начинает мыслить после пятидесяти лет, а физиологические процессы у человека уже на пределе, налицо несоответствие. Боги, по всей вероятности, вмешались, и эволюция начала постепенно увеличивать продолжительность жизни человека, но за счёт уменьшения рождаемости. У же через сто лет рождаемость снизится значительно, настолько значительно, что это будет заметно, а продолжительность жизни возрастет до двухсот и более лет, соответственно интеллектуальная составляющая усилится в разы.

— Темнишь ты, мама, – опять недовольно проворчал Давид. – Увливаешь от прямого ответа на вопрос, почему прививаться с отцом не хотите.

— Ладно! – окончательно сдалась Тутта. – Нам с отцом потому не надо прививаться, сынок, что у нас несколько иной геном. У нас есть ген, который при атаке на клетку вируса любого вида, тут же даёт команду на выработку тех или иных антител. Нашим организмам не страшны никакие вирусы вообще. Ты ведь помнишь, что мы никогда ничем не болели. Теперь тебе всё ясно?

— Нет, не ясно! – встал на дыбы Давид. – Твой ответ только ещё больше наваял тумана, у меня ещё больше вопросов возникло. Почему это у вас с отцом геном не совсем такой как у всех?

Тутта поняла, что сказав «А», надо говорить и «Б». Она с сожалением посмотрела на сына.

— Сынок, ты только не пугайся! – с дрожью в голосе заговорила Тутта.

— А чего мне пугаться? – с вызовом бросил Давид. – Я учёный!

— Мы с отцом родились полтора миллиона лет назад! – как-то буднично произнесла Тутта.

У Давида, после таких неожиданных слов матери, отвисла челюсть. Он машинально поднял её правой рукой, кляцнув зубами, пальцы левой руки при этом начали нервно выбивать ритмичную дробь по столешнице.

— Так, так! – размеренно заговорил он. – Ну, и шуточки у тебя, мама.

— Да я не шучу! – был ответ. – Мы совершенно из другой цивилизации, древней, очень далёкой от этого времени. У нас с отцом пятая группа крови.

Давид не был бы учёным, если бы растерялся, или стал бы возмущаться, он просто спросил:

— А чем докажешь? Не только люди, – камни столько не живут! Да и пятой группы крови у человека быть не может.

— Так мы с отцом живём в этом времени всего-то двадцать шесть лет. Мне сейчас сорок пять, девятнадцать из них я прожила совсем в другом времени, в другой цивилизации. Средний возраст человека нашего с отцом времени – тысяча лет, стало быть, мы с ним находимся в самом начале нашего жизненного пути, а группа крови защищает нас от любых видов вирусов, бактерии же, как очень большие биологические образования, нам вообще не страшны. Вспомни, повторяю, – мы никогда ничем не болели, да и ты тоже. Первая группа слабая, пятая – самая сильная.

— Фантазировать, конечно, не грех, – медленно заговорил Давид, выслушав материнины пояснения, – но выходит, не появишься ты с отцом в этом времени, то и я не родился бы?

— Ну, почему же? Всё равно бы родился, но там, в глубине истории, которой никто не знает и не узнает никогда. Хотя, всё может быть, наука не стоит на месте, может, просветят люди свои мозги позже. Учти, у тебя тоже геном несколько изменён и прожить ты должен десять веков. Можешь проверить, возьми свою кровь на анализ в университетской лаборатории. Проверка, конечно, займёт много времени, изучение генома – дело непростое.

Предположения, прогнозы, догадки столпились в голове у Давида. Он как-то иначе посмотрел на мать. «Пожалуй, что-то в этом есть, – пронеслась мысль. – Ведь она выглядит сейчас также, как и во время ещё моей учёбы в начальных классах школы. Никаких признаков старения, абсолютно никаких». Как-то автоматически спросил:

— И какая она, была..., Земля..., во времена твоей юности, мама?

— Пожалуй, меньше, чем сейчас, сын! – окунувшись в воспоминания Тутта. – Людей было мало, не более трёх десятков миллионов человек на всю планету. Человек был почти трёхметрового роста, большие животные, огромные насекомые. Представь себе бабочку размером в две ладони, но и цветы были больше, а некоторые деревья, секвойя, например, достигали высоты в два километра, араукария – почти в километр. На планете тогда была очень богатая растительность, полное отсутствие времён года и ровная, без скачков, температура окружающей среды. Атмосфера очень плотная, близкая по плотности к воде, сильно разбежаться невозможно, упасть откуда-то и разбиться, естественно, тоже невозможно, зато можно лететь, спрыгнув с какой-нибудь возвышенности. Современному человеку, без тренировки, в том воздухе дышать было бы очень трудно. Высота тропосферы – десятки километров. Большая влажность, пустынь, как здесь сейчас, не было. Воздух насыщен бактериями и вирусами, потому у нас более сильный иммунитет, чем у человека этого времени.

— Не будете вы с отцом жить здесь тысячу лет, мама! – заявил, вдруг, Давид. – Среда изменилась, клетки у вас уже не получают столько энергии, как в том времени, иммунитет наверняка ослаб.

— Ничего подобного, сын! – возразила, улыбнувшись, Тутта. – Геном-то у нас не изменился! Ты забыл про генную память. Мой детородный возраст до трёхсот пятидесяти лет, жаль, что родить я смогу за это время только ещё одного...

Давид запутался в мыслях, не мог сделать в этот момент хотя бы какие-то вразумительные для себя выводы:

— А как ты с отцом познакомилась? – спросил он, неожиданно, думая в это время о чём-то другом:

Мечтательная улыбка озарила лицо Тутты, удивительное лицо её, как-то ещё больше расцвело.

— Романтично, сынок, очень даже романтично. Я пошла в лес за целебными корнями и меня из-за большого валуна, прикрытого перьями папоротника, цапнул за ногу молодой крокодил. Тогда ещё сухопутные крокодилы водились в лесах. Слюна у этих рептилий имеет парализующие свойства. Он бы меня догрыз, но я успела поразить его в голову своим копьём прежде, чем впала в кому. А отец, там, в лесу, проверял показания геологических приборов и случайно наткнулся на меня. Перевязал, поставил противостолбнячный укол и нёс меня на руках почти пять километров до своего поста на берегу моря. Там, в доме он и его дядька, генерал Пак, быстро, в течении суток, поставили меня на ноги. Представь себе, что даже следов от рваного шрама на ноге не осталось.

— Красиво, мама, – заметил Давид, – но собирательство и копьё, геологические приборы и медицинские уколы как-то не вяжутся, не соответствуют.

— Понимаешь, сын, – терпеливо пояснила Тутта, – цивилизационные формы в те времена были разные на планете: были люди-цветы, была цивилизация фей, гномы были, говорят и сейчас ещё встречаются. Вот, видишь кулон на моей шее? То старшина гномов Коста подарил мне лично. Я принадлежала к племени варварок, где связи с мужчинами отсутствовали полностью. Это племя однополых людей. От союза двух женщин рождались только девочки. Наша цивилизация развивалась на более древней базе чувственного мироощущения и любить мужчину мы, варварки, просто физиологически не могли. Мы лечили заболевшую внушением, мы могли читать мысли друг друга на огромных расстояниях, но в то же время мы вели простой образ жизни: ездили на конях, охотились, держали молочное стадо коров, пахали землю и возделывали злаки. А почти рядом развивалась двуполовая техническая цивилизация, с которой мы плохо контактировали. Твой отец подобрал меня, раненую, полюбил, но стать его женой я не могла, если бы генерал Пак не ввёл в мой организм, пока я была в отключке, наноробота с программой переориентации моего психотипа на принятый в их обществе. Но и это ещё не всё – введенный наноробот подправил мой геном физиологически и первый мужчина, кого я увидела, выйдя из комы, был, спасший меня парень, Фан, твой отец. Психически и физиологически переориентированная на противоположный пол, я его и полюбила, меня к нему сразу и потянуло...

— А разве другие мужчины тебе не нравились? – полюбопытствовал Давид.

— Абсолютно нет, сын! – развеселилась Тутта. – Это как цыплёнок – кого первого увидел, когда выпарился, тот и его родитель.

— Мимо такой красавицы пройти невозможно, мама! – заметил Давид. – Это надо себя не уважать. Разве за тобой не пытались ухаживать?

— Пытались, но я была совершенно равнодушна к другим мужчинам, и всякие там ухаживания мне не нравились, я пресекала их сразу, в зародыше. Мне было даже неприятны ухаживания других парней. Зато отец твой поначалу не проявлял ко мне никаких чувств. Меня это половое невнимание злило, раздражало, хотя он был заботлив, но как-то по-братски. Я потом тебе расскажу, почему отец целых два года вёл себя так. Это отдельная история и связана она с настоящим временем.

— Странно, так ведь не бывает, мама. Другие мужчины тоже должны были тебя интересоваться. Ты же неотразима.

— Всё объясняется просто, сын, – улыбнулась Тутта. – При определении группы крови у меня, и во время подсаживания наноробота, генерал Пак влил в меня и частичку крови твоего отца. Робот среагировал на эту частицу крови так, что моя психика физиологически была сориентирована только на одного мужчину, другие меня уже не могли интересовать.

— Удивительно! Невероятно! – воскликнул Давид. – Копья, примитивное земледелие, амазонки и нанороботы в одном ключе, то-есть в одном времени. Ну и дела-а!

— Добавь сюда антигравитационные летательные аппараты, – продолжила Тутта, – личного и общественного пользования, безрельсовый наземный транспорт и здания из стеклокерамики. Инженерно-бытовых сетей, как здесь, там не было. Энергиями, особенно электромагнитной энергией, там пользовались как-то по-другому. Существовали финансовые институты, образовательные и культурные центры, развитая космическая, строительная и металлургическая индустрия, естественно, письменность и наука, да много ещё другого, чего в этом мире нет и в помине. А социальные проблемы почти такие же, как и в этом времени. Со временем всё меняется, сын, но вопросы остаются те же: жизнь, смерть, любовь, родители, дети, даже кое-какие болезни, природные явления, сложные взаимоотношения с богами. И культура, и художники правильно или неправильно формулировали ответы на эти вопросы – что такое жизнь человеческого духа...

— Всё это так, мама! – прервал Давид. – И всё же, как вы с отцом попали именно в это время? Какая сила вас затащила сюда? Что это – случайность или закономерность?

Тутте нравилась настойчивость сына. Этот напор, такое сильное желание докопаться до истины есть чёткий признак настоящего учёного, которым явно обещал быть в скором будущем Давид.

— Скорее закономерность, сын! Один гениальный человек в этом, теперяшнем времени проводил научный эксперимент: он разработал теорию путешествия во времени и создал машину, которая могла перемещать сознание подопытного в голову другого человека в любой отрезок прошлого времени. Этот учёный, имя его Давид Курганов, при помощи своей техники, перебрал сознание подопытного Леонида Ракшаса в голову древнего человека. Этим человеком оказался твой отец, Фан Гунн, – вот потому отец и не мог признаться мне в любви, ему постоянно мешало чужое сознание в его голове.

— Этот учёный жив? – спросил Давид. – Где его найти?

— Да что ему поделается? – Тутта небрежно махнула рукой. – Жив, конечно, но мы не поддерживаем с ним отношений, я на него сержусь. Слушай дальше. Я тогда училась в Ямбургском университете на медицинском факультете, на отделении психиатрии и фармакологии. Наступили летние каникулы и нас с отцом его двоюродный брат Максимилиан Гунн повёз посмотреть древние пирамиды на востоке страны ариев, там их было три в ряд. Вокруг этих пирамид оказалась аномальная зона. Прекрасное место, я тебе скажу, сын. Примерно около трёх квадратных километров необычных деревьев, благоухающих цветов и маленьких водопадов. До сих пор в моей памяти, дух захватывает. Красота неопишечная, фантастическая, какая-то сказочная красота. Мы там переночевали, а утром, как назло, над этим местом пролетал вражеский воздушный флот рептилоидов бомбить столицу ариев Боровск. Максимилиан, как член Совета Старейшин, такого допустить не мог. Он имел при себе какое-то странное оружие, похожее на лук с толстой стрелой. Он запустил стрелу в эту летящую армаду, она расцвела в небе гигантской хризантемой, и там, в высоте, началось что-то невообразимое. Там родился чудовищный смерч, который забрал в свою гигантскую орбиту триста или больше военных летательных аппаратов, драконов, и какой-то огромной струёй кинул их на землю. На каждом драконе было по триста фосфорно-магниевых зарядов.

— Какое-то странное вооружение! – заметил Давид.

— Представляешь, сын, что началось, когда все эти машины начали падать с небес, разбиваться об окружающие скалы? Прекраснейший мир, подобного которому даже представить трудно, в один миг превратился в огненный ад. Мы едва ноги унесли, скрывшись в проходах пирамид, но загазованность достала нас и там. В самом конце тоннеля, уже под третьей пирамидой, мы попали в грот, где увидели светящийся ромбододекаэдр белого кварца на пьедестале из крепчайшего андезита. Выход из этого грота был только один – туда, в ад, и мы должны были погибнуть от загазованности, которая стала уже проникать и в это отдалённое место. Мы начали молиться, и случилось чудо: помню – ярчайшая вспышка света и какая-то неземная сила забросила нас в это время, в город Дубну. Вот так мы с отцом и Максимилианом оказались здесь. Максимилиан работает сейчас в столице, занимается информационными технологиями...

— Ага! Значит войны были и в твоём родном времени! – воскликнул Давид, поражённый удивительной историей такого далёкого времени.

Тутта рассказала сыну о рептилоидах, о их стремлении во что бы то ни стало завладеть экономикой всей планеты, но их планам активно сопротивлялся высокоразвитый мир гиперборейцев, прародителей ариев, от которых произошли славяне

— И всё-таки, мама, – не мог согласиться Давид, – полтора миллиона лет, не слишком ли много? Не могу понять, какая сила могла передвинуть материальные тела из одного времени в другое?

Тутта ласково погладила Давида по плечу.

— Помнишь, в детстве я читала тебе восточную сказку о том, как одного героя бросили в бездонный колодец и правитель страны, в которую попал юноша, в благодарность за какую-то услугу подсказал ему выбраться в свой мир на баране. Мол, мимо тебя будут пробегать два барана – белый и чёрный, так ты вскочи на белого и окажешься в своей стране. Но юноша перепутал, вскочил на чёрного барана и оказался совсем в другой, незнакомой стране. Так вот эта сказка родилась не на пустом месте: она есть реальность, истина; видоизменённая, она дошла до этого времени в сказке. Существует чёрная космическая энергия, но современные люди не умеют использовать гигантскую энергию чёрных дыр и межзвёздного пространства. Белая энергия – это фотоны света, это энергия звёзд, и люди тоже толком не знают как ею пользоваться. Люди моего родного времени умели и знали как работать с этими энергиями: они умели перемещаться с одного места на другое мгновенно и умели, также мгновенно, перескакивать из одного времени в другое. Не все, конечно, но таких было немало – моя бабушка Ядвига, например. Ты-то знаешь, что существует скорость света и материальный предмет можно разогнать до этой скорости, но тело при этом разрушится. Это ядра, протоны электроны. Вы все тут зациклились на этом постулате. А представь себе скорость выше скорости света – это будет не просто чудо, а сверхчудо, сын. Но древние люди передвигались через смежные миры, через другие измерения, если в этом была крайняя необходимость. Вспомни, как ты искал пропавший свитер: ты же весь дом перевернул, гараж, баню, мастерские, а ведь предмет переместился в другой мир, в другое измерение, я ведь сразу поняла, у самой вещи пропадали. А исчезающие прямо на глазах люди? До миллиона в год их исчезает по миру, – это что по-твоему шутка?

— Ну, мать моя! – воскликнул совсем запутавшийся Давид. – Правда твоя, действительно исчезают люди и предметы, и наука объяснить этот феномен не может пока. Нарассказывала ты мне тут такого, что клубок этот распутывать придётся долго. Удивительна и фантастична твоя романтическая юность...

— Всего этого уж нет, сын, – грустно заговорила Тутта. – Мира моего нет, родного времени. Всё съело напрочь это беспощадное время и космические катаклизмы. Не осталось даже следа от моей родной цивилизации, только память, что записана в кластерах воды, но читать записанное планетой современные люди ещё не научились. Вот, когда научатся – перед ними откроется великий мир прошлого, устремлённый в будущее. И всё же мир, о котором я тебе

поведала существует – в другом измерении, где время течёт иначе. Ты учёный, сын, должен понимать, что эволюция шагает волнообразно: подъём – спад, подъём – спад. По-видимому, жизненный цикл этой, уже твоей родной эпохи заканчивается, наступает двухтысячелетняя эра Водолея. Мы находимся сейчас в переходном периоде, который продлится сто пятьдесят лет. Наступит время очень похожее на время нашей с отцом юности, когда игрек-хромосома у мужчин будет укорачиваться в десять раз медленнее, жизнь биологической клетки увеличится от ста двадцати суток до тысячи с лишним суток, метаболизм снизится в разы. В то время, когда мы с отцом познакомились люди принимали пищу только один раз в сутки, и даже ещё реже, да и то это был ритуал, посвящённый богам. Организм не нуждался в большом количестве пищи, клетка получала часть энергии из окружающей среды, вся сила, вся мощь эволюции была направлена на развитие интеллекта человека...

— С такими выводами, мама, я, пожалуй, могу согласиться, – задумчиво высказался Давид. – По-видимому, эволюции, или, как ты говоришь, богам, надоело смотреть как люди быстро размножаются, постоянно устраивают войны друг с другом и тупеют на глазах. Эволюция двигается в сторону увеличения жизни человека за счёт уменьшения рождаемости, при этом интеллектуальная сторона сознания незаметно усиливается. Создателю мира, как я понимаю, нужен человек мыслящий, а не тупой исполнитель чужой воли. Если такая теория будет иметь подтверждение, а время покажет, то, наконец-то, человека будут ценить в обществе не декларативно, а по-настоящему. Рождение нового человека будет актом редкостным и восприниматься окружающими как благо, как высший дар богов... И всё же, мама, я не понимаю, почему у вас с отцом пятая группа крови, а у меня вот, вашего сына, неизвестно какая, вернее вы-то знаете какая, и всё равно вы мне прививки, положенные детям этого времени, делали. Если у меня пятая группа крови, так зачем делали прививки?

Тутта на этот вопрос сына не отреагировала, а заговорила совсем о другом:

— Ну, вот, наконец-то, ты прозрел, сын. Вот скажи мне, коли, у нас разговор интимного характера, как ты на противоположный пол смотришь? С интересом мужчины, или как?

— А никак! – быстро отреагировал Давид. – Женщины меня не интересуют, мама.

— Понимаю! – тоже быстро согласилась Тутта. – Они и не должны тебя привлекать, потому что ты ещё не половозрелый.

— Что-о!? – возмутился Давид. – С чего бы это? Я взрослый человек, разве не так?

— Нет, не так! – отрезала Тутта. – Ты развиваешься по нашему генотипу, а, стало быть, половая зрелость у тебя наступит только к сорока годам, – вот тогда и будет у тебя вполне понятный интерес к противоположному полу. Окружающие тебя люди, скорей всего, удивляются тому, что ты плохо питаешься, и им невдомёк, как, пожалуй, и тебе, что твой организм просто не нуждается в большем количестве пищи. У мальчишки общего, современного генотипа половая зрелость наступает к четырнадцати-пятнадцати годам. Твоему отцу было около сорока лет, когда он столкнулся со мной, увидел и влюбился. Закон Страны Саков запрещал брать в жёны варварок, но дело даже не в этом. Для варварок мужчина существо враждебное, они его психически и физиологически не переносили, контакта между ними, ни на каком уровне, просто быть не могло. Меня, как я тебе уже рассказывала, без моего согласия, ловко, научно-обоснованно, переделали, когда я была без сознания, воспользовались моим беспомощным состоянием. Но дело в том, что их закон позволял экспериментировать над чужаками, над пленниками. И всё же, скажу тебе, сын, я не в претензии к генералу Паку и твоему отцу – я получила счастье любви, а эта великая тайна чего-то же стоит...

— Да, мама, – задумчиво произнёс Давид, глядя куда-то вдаль, – наговорила ты мне тут такого, что действительно свихнуться можно.

— И ещё добавлю, – заговорила Тутта не совсем привычным голосом. – Мы с отцом в августе, когда будет полнолуние, собрались посетить своё родное время, встретиться с родней хочется.

— Ты, мать, говоришь так спокойно, как будто взял, сел на самолёт, чтобы слетать к кому-то там в гости, – проворчал, уже ничему не удивляясь, Давид. Физические законы-то не позволяют перебраться на полтора миллиона лет назад.

— Да не назад, а рядом! – загадочно поправила мать. – Знания, как и необъятная вселенная, сын, беспредельны. Нынешнее человечество открыло для себя на сегодняшнее время только сорок констант, на которых держатся физические закономерности. Но учти, есть ещё множество других констант, которые ещё не открыты твоими современниками. В моём родном времени люди знали как путешествовать по временным отрезкам и мгновенно передвигаться по поверхности. Так что не удивляйся, сынок.

— И надолго вы собираетесь? Ну..., в гости?

— Всё будет зависеть от обстоятельств, Давид, **НО МЫ ВЕРНЁМСЯ**, потому что привыкли уже к этому времени, да и ты живёшь здесь, а мы тебя любим...

Глава 5. ОН И ТУТ НАС ОБОШЁЛ

Полковник Дейнис, заканчивая оперативное совещание в своём кабинете, остановил, выходящего за сотрудниками последним, начальника уголовного розыска подполковника Романова:

— Олег Николаевич, задержись на минутку!

Подполковник вернулся, уселся обратно за приставной стол, положил перед собой папку с текущей документацией и вопросительно уставился на Дейниса, ожидая дополнительных указаний.

— Так значит у нас на сегодняшний день сорок восемь дел в разработке, – медленно заговорил полковник, просматривая какую-то бумагу.

— Да, Владимир Иванович! – живо и деловито заговорил подполковник. – В основном бытовуха: как обычно пьяный мордобой, квартирные кражи, мелкое мошенничество, но два дела серьёзные, я уже докладывал, – это оружие и наркотики.

— Ну и как, судебную перспективу будут иметь?

— Материала достаточно для следственного отдела, Владимир Иванович. Полагаю, будут.

Дейнис одобрительно кивнул головой, посмотрел в окно на качающиеся от ветра верхушки лип, и, сурово глянув в лицо подчинённого, как-то даже скучающе произнёс:

— Тут вот сигнальчик на нашего олигарха опять поступил. Небольшой такой сигнальчик, но и не отреагировать на него не получится. На вот почитай.

Подполковник взял протянутую ему бумагу, бегло просмотрел, лицо его перестало быть невозмутимым и деловым. Видно было, что сообщение в бумаге кольнуло его куда-то в печеньку.

— Я уже тебе говорил, Владимир Иванович, – зло начал неприятный разговор подполковник, – давай этого Грача возьмём за хиршу.

— Предъявить нам ему нечего, Олег! – кисло отреагировал полковник. – С мелочёвкой к нему бесполезно соваться.

— Да есть материалец!

Дейнис слегка поморщился, и, вдруг, насмешливо заметил:

— Чего ты на него такой злой, Олег?

Рука подполковника, лежащая на столе, сжалась в кулак, он твёрдо посмотрел в глаза начальника.

— Ещё двадцать лет назад, да, пожалуй, больше, – медленно заговорил оперативник, – когда этот Грач занимался рэкетом, пил кровь из мелких торговцев, я пытался его прищучить. Он тогда мне, молодому лейтенанту, в лицо рассмеялся: «Ты, говорит, ещё пацан, зелёный. Вот когда мешок доказательств соберёшь, тогда и поговорим, а сейчас пошёл вон!». Скользкий, гад, как налим.

— Ну, а сейчас он акула! – усмехнулся полковник. – Порядочный человек, строительством занимается, налоги платит исправно, не придерёшься.

— Не придерёшься! – ядовито передразнил сыскарь. – Налоги он платит! Да он только на прокладке дорог столько левых денег отмывает, сколько весь наш отдел за всю жизнь не заработает.

Дейнис опять поморщился, задумчиво побарабанил пальцами по столу, и, строго взглянув на подчинённого, осторожно поинтересовался:

— Ну у тебя что-нибудь на него по этой теме есть? Нету! А налоговики к нему претензий не имеют.

— Кой-какая компра имеется, Владимир Иванович! – жёстко заметил подполковник. – Надо взять санкцию на обыск в его доме. Я у него оружие обязательно найду, а это уже статья.

— И-и думать не смей, Олег! – начальник обеими руками отмахнулся от слов оперативника. – Прокурор санкцию не даст. Придумай что-нибудь другое.

Сыскарь, было, безнадёжно опустил голову, но вот новая идея пришла ему в голову. Он как-то просиял и бодро заговорил.

— У него врагов немало, Владимир Иванович! Я на него натравлю обиженного. Он начнёт со своими отморозками штурмовать его замок, а я нагряну с ОМОНОм сразу на тех и других – вот и решение проблемы.

— Ты в своём уме, Олег! – начальник сердито вздел вверх густые брови. – Противозаконные действия! Да ты что?! И думать, говорю, не смей! Запрещаю! У нас в отделе наверняка его глаза и уши имеются, так что шила в мешке не утаишь. Грач всё будет знать уже на этапе подготовки к операции. С тебя же погоны снимут и под суд, а меня, хорошо, если мирно на пенсию отправят, а то и вслед за тобой, на зону.

— Да ты погоди, Владимир Иванович! – остановил сыскарь. – А, если эта разборка стихийно возникнет? Без нашего подталкивания и науськивания. Мало ли кто на Грача зуб точит. Мы же при бандитских разборках, когда стрельба, всё равно обязаны вмешаться? Всё по закону!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.